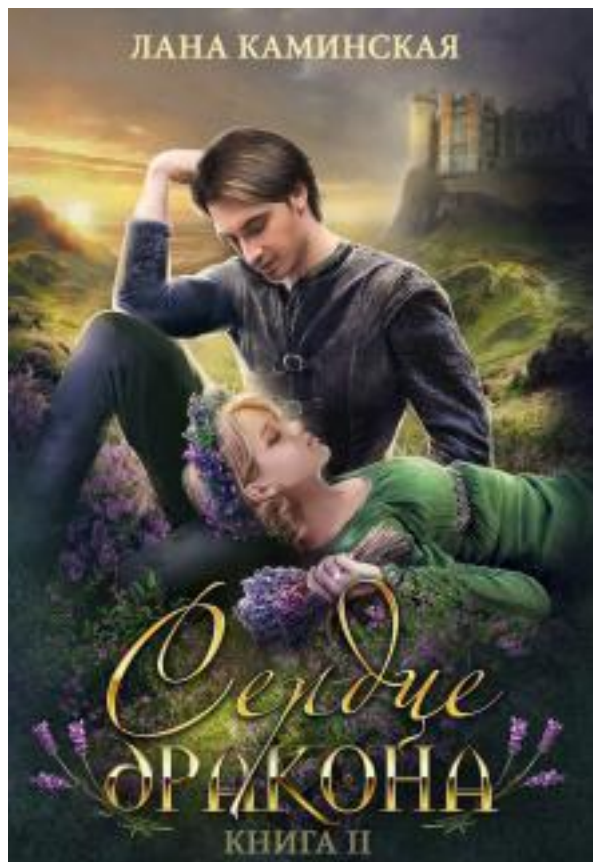

ЛАНА КАМИНСКАЯ

Лана Каминская

Сердце дракона. Книга 2

<https://litres.ru/74213562>

Аннотация

Со стороны кажется, что у хозяина юга, Гайларда Стернса, есть всё: земли, армия, титул, громкое имя и заманчивое будущее. Вот только это кажется со стороны. А что делать, если внутри всё давно умерло и ночи стали кошмарами? Можно превратиться в равнодушного агрессора, можно влюбиться, можно даже бросить вызов древним пророчествам. Но что, если твоим соперником будет дракон? Непростой дракон...

Содержание

Глава 1. Репей и роза	4
Глава 2. Случайные закономерности	30
Глава 3. Ключ	59
Глава 4. На большой дороге	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. Репей и роза

Он выглядел омерзительно. Настолько отвратительно, что Мириан не выдержала и перевела взгляд с родного брата на завешенную гобеленами стену, сделала глубокий вдох. Попробовала вновь посмотреть на Итора и снова не смогла вынести всего того уродства, к которому за долгие годы вроде как привыкла и до поездки в Нолфорт даже не замечала. Возможно, и вчера не заметила бы, если бы не острое словцо в адрес Стернса, которое Итор поспешил выплюнуть сестре, стоило той выскочить к брату навстречу, а ему самому – спешиться.

Процессия из Ллевингора прибыла рано утром. И в тот же день, но уже после заката солнца, вернулся хозяин.

Мириан которую ночь мучалась бессонницей, и услышать, как скрипнули ворота, как заржали кони и как затопала сапогами стража, труда не составило. Но факелов во дворе было зажжено мало, а потому разглядеть что-либо во тьме через окно с высоты третьего этажа оказалось сложно, как бы Мириан ни старалась и к каким бы окнам ни подходила. Однако наделанного шума оказалось достаточно, чтобы понять, кто именно въехал через главный вход, тем более и прислуга, ничуть не смущаясь, что разбудит гостей, повыскакивала из комнат, отведённых ей в самом дальнем крыле замка, и

не успокаивалась ещё долго, то стуча и скрипя разными дверями, то снуя туда-сюда с тёплыми полотенцами, чистыми простынями и наскоро подогретыми кушаньями.

Прошло время, возня прекратилась, а Мириан, забравшись обратно в кровать и натянув одеяло чуть ли ни до подбородка, так и не заснула и встала с первыми лучами солнца, кликнула служанку, чтоб та помогла ей одеться, долго выбирала платье и укладывала волосы, фыркая, что тот или иной локон вечно топорщится, а затем с замиранием в сердце принялась ждать первой встречи.

Но встреча откладывалась, и Мириан уже была готова провалиться сквозь землю от позора, и провалилась бы, если бы вместе с ней в комнате, окнами выходившей на юг и пышно цветущий сад, не находился сейчас её брат. Некогда горячо любимый, но сейчас раздражающий как своим присутствием, так и своей безобразной внешностью.

– Удивляюсь твоему спокойствию. – Губы Итора искривились столь сильно, что лицо стало ещё более уродливым, чем было раньше.

– А я удивляюсь твоей сварливости.

Мириан продолжала скользить взглядом по гобеленам, словно видела их впервые, хотя за последние дни успела уже досконально выучить каждый узор.

– Ты изменилась, сестра, – вкрадчиво начал Итор, но был тут же безжалостно перебит.

– Ты ошибаешься.

– Ты провела в чужом доме около пары недель, а уже оправдываешь заносчивость Стернса и его безразличное к нам отношение. Не забывай, ты здесь не гостья на одну ночь, ты – хозяйка.

– Ты забыл, какую цену мы заплатили?

Итог беззвучно пошевелил губами.

– Чего бы нам это ни стоило, с нами должны обращаться почтительно, а не указывать каждый час, что наше место возле свинарника!

Мириан не выдержала и перевела взгляд с гобеленов на брата. Тот ходил из угла в угол, сильно хромая, и был красным, как варёный рак.

– Прекрати!

– Скажи это своему будущему муженьку.

– Тому, что мы не были приглашены к завтраку, есть своё объяснение. Стернс почти всю ночь провёл в дороге, завтракал поздно и, вероятнее всего, в своей спальне.

– А как тебе то, что он успел перекинуться парой слов уже со всеми в этом месте, кроме нас? Даже с этими вечно скучающими Талайтами.

– Тоже вполне понятно.

– Да?

– Представь себя на его месте. Будь ты уставшим и грязным, ты бы вышел к своей невесте вот так сразу, даже лица не ополоснув? Тем более если ты ту невесту никогда раньше не видел. Что может быть хуже испорченного на всю жизнь

первого впечатления?

– Только вечная самовлюбленность и желание лишний раз унизить и без того растоптанных.

Мириан поморщилась.

– Не принимай всё столь близко к сердцу. Вот увидишь, не успеет солнце зайти за башни, как всё исправится, и ты будешь сильно жалеть, что позволил себе такие мысли, тем более слова.

Но старший брат только хмыкнул, покачал головой и опустился в кресло напротив сестры.

– Не надо было так под него прогибаться.

– Зато ты не потерял трон.

– Сейчас – нет, но я не уверен, что всё останется так, как есть, спустя пару лет. И самое мерзкое во всей этой истории, что расплачиваться за мою корону придётся тебе.

Мириан только вяло улыbnулась.

– Меня к этому готовили, разве ты не помнишь? Не Стернс – так другой. А в нашем с тобой положении Стернс – это лучшее, что только могло со мной случиться. Так что... мне остаётся только радоваться.

– Мириан...

– Тсс. – Сестра в ответ лишь приложила палец к губам, умоляя больше не продолжать.

Брат был совсем на тем, с кем Мириан сейчас готова была обсуждать будущего мужа и свои будущие обязанности покорной супруги. Случись тот разговор год назад, она бы с

удовольствием пооткровенничала, обсудила бы каждую ниточку на наряде жениха, высмеяла или восхитилась бы его манерами и говором, но война всё изменила и даже её отношение к Итору. Куда-то исчез тот образ, который Мириан всегда берегла в своём сердце. Растворился, рассыпался на песчинки. А всё потому, что в одночасье Итор стал другим. Былые храбрость и благоразумие оказались показными: верхний слой, считавшийся золотым, был влѣгкую смахнут и на поверку оказался пылью, наружу выползла фальшивка, подчёркиваемая внешне уродливой оправой и сама по себе гнилая изнутри.

Война вывернула наружу правду. Сколько бы ещё продолжался тот сон, в котором Мириан видела брата уважаемым и заботливым правителем? А если маски сброшены, то какая, в конце концов, разница, в чьей клетке томиться? Может, у врага и лучше, ведь тот, по крайней мере, не поѣт сладких песен перед сном, а утром не оплачивает тобой свои проигрыши. Правды Мириан не знала, загадывать не смела, но всем сердцем верила, что то, что случилось, уж точно к лучшему.

– Кто там ещё? – недовольно отозвался Итор и повернулся в кресле, когда в дверь вежливо постучали. Так стучатся только слуги, но не мелкие сошки. – Войди! – распорядился брат, даже не поинтересовавшись у сестры, готова ли она принимать в своих покоях кого-либо либо, кроме него самого.

В дверях показался Риновар, лакей Стернса. Из-за его

спины выглядывала милая на личико девчушка, по всей видимости, служанка.

— Миледи, его светлость просили передать, что вы и ваш брат окажете ему большую честь, если сегодня вечером присоединитесь к торжественному ужину. Он состоится в большой зале, и если вам понадобится помощь с приготовлениями, то Тиа к вашим услугам.

Победная улыбка осветила лицо Мириан. Бросив укоризненный взгляд на брата, она поблагодарила слугу, медленно поднялась с кресла, в котором сидела, и поманила к себе девчушку.

— Ты уложишь мне волосы и поможешь переодеться. Пойдём.

Одетая в скромное чёрно-серое платье длиной до щиколоток, с короткими рукавами и всего одним подъюбником, служанка подошла к Мириан, сложила руки на переднике и потупила взгляд, принявшись разглядывать носы своих стоптанных башмаков. Но неловко девчонке стало вовсе не от мыслей, что этим днём ей придётся прислуживать почти королеве, и не от божественной красоты госпожи, а от того, что по-хозяйски развалившийся в соседнем кресле брат Мириан, закинув ногу на ногу и подперев подбородок кулаком, голодным взглядом скользил по тоненькому стану молоденькой служанки, ничуть не стесняясь останавливаться ни на едва заметной груди, ни на бёдрах.

Тиа слышала от кухарок, что подобным взглядом король

Итор уже рассматривал дочь садовника, работающую при кухне и вчерашним вечером накрывавшую для Итора стол к ужину. Говорили, что его величество даже ущипнул девчушку за бок и прошептал что-то непристойное, но Тиа верила, что то были только слухи – сама дочь садовника от всего отнекивалась и ни в чём не признавалась. Сейчас же, испытав на себе этот похотливый взгляд, Тиа была готова поклясться, что, окажись она и Итор одни в этой комнате, он бы непременно ущипнул и её и обдал горячим дыханием, добавив к нему пару пошлостей.

– Тогда увидимся, сестрёнка. – Итор тоже поднялся, чмокнул Мириан в щёку и направился к выходу. – Срази их всех наповал сегодня своей красотой.

– Непременно, – Мириан очаровательно улыбнулась, проводила взглядом брата, а когда за ним закрылась дверь, приказала Тие распустить ей волосы, принести гребень и шкатулку с тиарой, усыпанной жемчугом. Первая встреча просто обязана пройти на высоте, а Мириан обязана на ней блистать.

– Ешь, говорю. – Кухарка брякнула о стол миской со второй порцией картошки с сушеными лисичками и неодобрительно покачала головой. – И откуда ты такая тощая взялась? Не больная хоть?

– Не больная, – буркнула Рики, схватив ложку.

– Кто такая? – шёпотом спросила кухарку её помощница, занимавшаяся разделяваем крупного кочана капусты. – Вчера её у нас ещё не было.

– Я мало чего поняла. – Кухарка покосилась в сторону Рики – не подслушивает ли. – Она как с неба свалилась. Я утром на кухню захожу, ещё глаз протереть ото сна не успела да половник достать, а она уже тут как тут, для милорда чай из шиповника просит.

– Для самого? – Глаза помощницы округлились от изумления.

– Вот и я ахнула. Обычно он к себе никого, кроме Риноvara, не подпускает, а тут какая-то пигалица, непонятно откуда нарисовавшаяся.

– Из Ланимора я, – помешала завистливому обсуждению шепотком Рики, и обе поварихи вздрогнули, тут же отпрыгнули друг от дружки и сделали вид, что ничего не было, и что обе заняты своим делом.

Картошка в миске стремительно исчезала. Облизнув ложку, Рики отодвинула тарелку от себя и довольно выдохнула: так, как сейчас, она за всю жизнь свою не ела. Так вкусно и много. Но Гайлард приказал топать на кухню и голодной не возвращаться. А чтобы незнакомой девчонке поверили, ещё и своего лакея приставил, предварительно наказав с Рики глаз не спускать.

Лакей почему-то бурного восторга не высказал. Всю дорогу от комнат Стернса до измазанного жиром царства ка-

стрюль, сковородок и черпаков хмурился, на Рики поглядывал недовольно и свысока, временами зажимал нос и отворачивался, ничего не спрашивал и разговора вообще никакого не заводил. Рики тому была рада. Её пугал слишком суровый вид камердинера, а особенно его блестящая лысина, толстая шея, пухлые пальцы и нос, похожий на клюв хищной птицы. Именно такими Рики всегда представляла мясников, хотя вживую видела только одного на базаре на центральной площади Торренхолла. На остальных смотреть не стала – хватило того зрелища.

Отделаться от Риновара для Рики было в радость, но та была недолгой: место, где уютно пахло лавровым листом и говяжьим бульоном оказалось тем самым, где собирались сплетни, и откуда они расходились по разным углам, и Рики тут же стала главной мишенью скучающих поварих.

Неужели им больше делать нечего, как только шушукаться у неё за спиной и обсуждать её острые плечи, выпирающие на спине лопатки, худое личико и странное появление? Ведь если овощи уже давно томятся в печи и покрываются сырной корочкой, и делать нечего, то почему бы не выйти во двор и лишний раз не полюбоваться красотами Торренхолла, величественными стенами и башнями замка, крепким камнем и суровой архитектурой? Зачем тратить время за шепотками и ухмылками? Вот будь она на месте тех поварих, точно вышла бы на улицу! Правда, в этот момент Рики ещё не знала, что дверь из кухни вела напрямик к скотному двору и амба-

ру; из красот там были разве только свиные пяточки, если, конечно, были не в грязи, да аккуратно сложенное в сноп сено, если, конечно, последнее не раскидали вилами коровам и лошадям.

Для Рики же Торренхолл был сказочным местом. О казавшейся раньше пределом мечтаний городской стене и капитане Швидоу Рики ни разу не вспомнила – некогда было. Глаза только и успевали что зыркать по сторонам, удивляться и восхищаться высокими потолками и свисающими с них люстрами в тысячу свечей, яркими гобеленами и строгими портретами на стенах, а также книгами, посудой, одеждами и даже запахами, которых в замке было не счесть, начиная от воздушно-цветочных (для напольных ваз в большой обеденной зале срезали много белых лилий) и заканчивая банальными сытными, доносившимися из глубоких чанов и кастрюль.

Да, замок предстал перед Рики именно таким, каким она себе его представляла. Она была готова излазить его весь и начать могла прямо сейчас, но ночью ей было велено выспаться, а утром её таскали туда-сюда, объясняя, как себя вести, как разговаривать, по каким коридорам ходить, а на какие лестницы никогда не заворачивать. Потом опять чего-то наговорили, из чего половину она запомнить так и не смогла, и отправили на кухню, приказав со всем управиться быстро, так как день обещал быть трудным и долгим. Ну, хорошо. С картошкой она управилась. И что же дальше?

– Да ты всё врёшь. – Услышала Рики протяжное со стороны плиты и осторожно повернула голову на голос. Ага, поварахи снова придвинулись одна к другой и, делая вид, что замешивают соуса к мясу, опять перемалывали кости. Кому? Рики и без слов догадалась.

Сделав наивно-глупый вид, девушка скрипнула деревянной скамьёй, вставая. Кухарки снова встрепнулись и пугаными птахами разлетелись каждая в свой угол. Скрипа что ли испугались? Трусихи! Рики довольно хмыкнула. Но дело было в другом: в кухню важно вошёл Риновар.

Вот удивительный человек, подумала Рики. Сколько вчера ночью милорд его ни костерил, сколько раз за одним и тем же бульоном ни гонял (первый был холодным, второй – сильно перчёным, в третий залетела муха), ни один мускул не дрогнул на лице. Кукла, а не человек! Глаза, брови, рот есть, а эмоций ноль. И даже голос всегда ровный, и ни тебе ворчания, ни радости, ни иных признаков жизни. И если бы не та мясистая шея, не нос-клюв и не абсолютно лысая и гладкая, словно яйцо, голова, то Рики просто пожала бы плечами и прошла мимо. Но, увы, внешность камердинера отлично располагала к тому, чтобы девушка начала его побаиваться. И боялась, как оказалось, не одна она.

– Этого будет мало, – оценил Риновар, нырнув носом в кастрюлю.

– Сделаем больше, – отозвалась одна из поварих, спешно смахнув со стола рассыпанную зелень.

– В два раза больше и в три раза быстрее. Меньше трещите, балаболки, и больше работайте.

Обе женщины кивнули, а Риновар окинул недовольным взглядом взъерошенную Рики.

– Я же говорил тебе помыться и почистить одежду.

Точно! Говорил! Но почему-то, когда это всё происходило, Рики запомнила только про еду, а вот всё остальное как-то пролетело мимо ушей и напомнило о себе только сейчас.

– Сама будешь оправдываться перед милордом, что лицо до сих пор измазано и несёт от тебя навозом.

– Так я сейчас... Пойду с ведра себя окачу. Где здесь у вас ведро с водой?

Риновар обречённо покачал головой. Такой кошмар ему и во сне не мог присниться. Всех девушек, будь то горничная, убиравшая постель, или простая полотёрка, всегда отбирали с особой тщательностью. Смотрели на внешность, умение скромно себя вести, быть незаметной для хозяина, всегда выглядеть опрятно и не слишком вычурно. Но чудо, которое сейчас стояло перед опытным лакеем и смотрело на него искренне и бесхитростно, не поддавалось никакому объяснению, и причина, почему милорд так благоволил этой замарашке, была для старого и верного слуги таким секретом, к разгадке которого он больше всего на свете в данный момент мечтал подобрать ключик.

– Нет времени, – сухо бросил Риновар. – Милорд ждёт, а

долго ждать он не любит.

– Не любит – это верно замечено. – И, поймав на себе удивлённый взгляд слуги, на полном серьёзе добавила: – На своей шкуре убедилась. Он велел меня позвать?

– Да.

– Что-то случилось?

– Нет.

– Тогда я бы всё-таки окатила себя из ведра.

– Я же сказал, нет времени.

– Но ведь не срочно!

– Мыться надо было, когда тебе было отведено на это время.

– Но хоть одежду почистить! Глина к сапогам присохла.

– Почистишь после. А теперь будь добра, помолчи немного. На этой лестнице сильное эхо – не стоит раздражать высоких гостей глупыми речами.

Молчать так молчать. Рики послушно плелась следом. К запаху от своей одежды она уже давно привыкла, той вони совсем не чувствовала, но вот не смотреть на засохшую грязь было трудно. А стоило о ней вспомнить, как та сразу стала заметна даже в тех местах, где раньше Рики её совсем не видела. И на локте есть, и даже на животе пятно! Действительно, кошмар. Риновар прав. И, словно прочитав мысли девушки, а по правде просто проследив за её взглядом и расслышав едва уловимое «ох», слуга Стернса медленно произнёс:

– Милорд велел пошить тебе новую одежду. Портной ждёт

тебя. У Стернса. Снимет с тебя мерки, и можешь быть свободна. Если, конечно, у милорда не будет других распоряжений.

Рики остановилась перед высокой массивной дверью. Ша-рообразные металлические ручки на каждой створке были начищены до такого блеска, что в них можно было увидеть своё отражение. Вот только то было жалким, и Рики это прекрасно знала, поэтому просто вцепилась мёртвой хваткой в гладкий металл и потянула дверь на себя.

– Куда?! – Риновар не сдержался и всё-таки рывкнул. Не надолго хватило его терпения: ещё и сутки не пройдены. – Двери в комнаты милорда полагается открывать мне, – учил слуга, успокоившись. – Ты не королевских кровей, чтоб с ноги заходить, и не военный командир. Если его светлости будет угодно тебя видеть, то я разрешу тебе войти. А если милорд передумал, то невелика беда.

Рики недоумевала.

– Вы же сами сказали, лорд Стернс за мной звал. Рукава там замерять и сколько кожи на сапоги потребуется...

Риновар недовольно пошевелил губами, понимая, что попытка указать пигалице на её место с треском провалилась, но рук с двери не убрал.

– А говорили, времени нет, – пожала плечами Рики. – Пока вы тут воротник поправляете и собираетесь с духом, чтобы переступить порог, я бы уже в воду нырнула и два раза обсохнуть успела.

– Спешка нужна при ловле вшей, – спокойно вставил слуга. – А хозяин любит всё красивое, элегантное, как и подобает его статусу. Поэтому выпрями спину, поправь волосы... Хотя нет, лучше верни, как было, а то совсем уныло получилось.

– Да знаю, что не красавица.

– И откуда ты только на мою голову свалилась? – выдохнул лакей.

– Из Ланимора я, – в который раз за день повторила девушка, а Риновар уже заходил к Стернсу.

До Рики донеслись голоса. Сгорая от любопытства, девушка принялась топтаться за спиной камердинера и даже вытянула шею, чтобы хоть что-то разглядеть, но удалось слабо, зато уши поймали каждый звук и каждое слово. Один голос Рики без труда узнала, второй был незнаком и, вероятно, принадлежал портному.

– Тут я ушью, тут тоже. Это быстро. А вот тут придётся всё переделывать. Боюсь, что возиться буду около двух дней. Ох, милорд, где вы только были всё это время, что так сильно похудели?

– Объезжал террито... Тут не трогай!

– Спина? Помню, помню.

– ...территории. Захотелось лично проверить, всё ли спокойно.

– Ох, неудачная, видимо, оказалась затея, – посочувствовал портной. – И надо же, как вам с лошадыю не повезло.

Может, она листок какой в лесу ухватила да с того понесла? Говорят, сейчас какой-то новый сорт лопухов вдоль дорог расплодился. Все лошади, стоит им его попробовать, сразу мрут, как мухи.

– Может, и схватила... Я же просил спины не касаться!

– Простите, ваша светлость. Надо было заколоть в одном месте, чтобы не забыть, сколько потом убирать. Ещё пару раз потерпите? Надо вот тут сверху прихватить да с боков.

– Убери руки! – раздраженно приказал Гай и тут же добавил в разы спокойнее: – Сейчас явится девчонка, о которой я говорил. У неё пальцы тоньше. Будешь показывать, где и сколько прихватывать, а она будет выполнять.

– Давайте хоть так, – тут же согласился портной.

– Вот и она. Риновар! – Рики заметила, как слуга, стоило ему уловить на себе взгляд хозяина, тут же втянул живот и даже стал на пару дюймов выше. Его лицу прибавилось важности, хотя та и так зашкаливала, а лысина стала блестящей ещё больше. Видимо, покрылась потом. Лакей открыл было рот, чтобы спросить разрешения пропустить в комнату девушку, как следующая фраза Стернса тут же перечеркнула все принятые нормы и правила поведения, и важности во взгляде камердинера заметно поубавилось. – Ты мешаешь ей пройти. Двинься в сторону, а лучше пойди вон! Понадобись – позову.

Верный слуга такого никак не ожидал, застыл в секундном оцепенении, но вовремя сообразил, что стоять столбом

перед милордом непозволительно, шагнул в сторону, попуская к нему Рики, и, поклонившись, остался по ту сторону дверей, аккуратно и тихонько их прикрыв.

С несколькими измерительными лентами через плечо и булавками, зажатыми в губах, портной порхал вокруг Стернса бабочкой, поправляя ткань то тут, то там, ставил черточки мелом и огорчённо качал головой, представляя масштаб работ, которыми будут заняты все его ближайшие вечера и ночи. Поманив к себе Рики рукой, на одном из пальцев которой был большой медный напёрсток, портной сделал несколько шагов к окну, внимательно осмотрел своё творение, что-то прикинул в уме и вновь приблизился к Стернсу.

– Вот тут и тут. – Булавка была вытащена изо рта и протянута девушке, указательный палец ткнул, куда надо, и Рики, дрожа от волнения, попробовала заколоть дорогую ткань.

Сквозь собственное сопение девушка услышала, как прошипел Стернс, но ни слова не произнёс. Значит, всё-таки коснулась раны. Надо быть осторожнее. Но какая же жёсткая материя! Серебристая, с вышитыми вензелями и лилиями, непослушная, выскальзывающая из рук, но роскошная и делающая Гайларда поистине королём, и лишний раз тыкающая Рики носом в ту пропасть, которая лежит и всегда будет лежать между ней и хозяином юга.

Девушка тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли. Она в Торренхолле, она прислуживает тому, кому хотела, она рядом с ним настолько, насколько другим слугам, воз-

можно, и не снилось. Что ещё нужно беспокойному сердцу, громко бьющемуся в груди? Опять тот ненавистный поцелуй вспомнила? А Стернс вот давно всё забыл. Как будто ничего и не было. Да ведь и правда ничего не было. Просто вина было выпито немногим больше, чем нужно...

– Осторожнее, – тихо произнёс Гай и совсем не таким тоном, каким ворчал на грубые прикосновения портного. Не приказывал, а просил, отчего Рики сразу стало спокойнее, и работа пошла ровнее.

Но Стернс тут же умудрился всё испортить.

– Что за мерзкий запах? – поморщившись, спросил он, и Рики мигом всё поняла и покраснела.

– Это я сапогом в навоз угодила ночью, когда с лошади слезала.

– А почистить?

Рики шмыгнула носом.

– Не успела.

– Теперь этим запахом пропитаются все ковры, где ты успела наследить.

– Я их тоже почищу.

– Лучше следи за булавкой. Лечение иглами я не заказывал.

От услышанного портной удивлённо повёл бровями и подумал, что будет чего рассказать жене вечером, когда решит передохнуть от работы над свадебными одеждами лорда и позволит себе чуток посплетничать с близким человеком.

Двери в комнату снова открылись, пропуская Дагорма. Тот спешил и шаркал ногами, как обычно, а в его руках были свёрнутые свитки, чернильница и перо.

– Ваша светлость, – начал старик, даже не обратив внимания ни на роскошный наряд, ни на Рики за спиной лорда, – вот всё, как вы просили. Вам нужно только подписать тут... – Дагорм развернул первый свиток, протянул его Стернсу, затем поставил чернильницу на круглый столик у окна, обмахнул в чернила перо и подал Гайларду.

Гай быстро пробежал взглядом по тексту.

– Вознаграждение хорошо бы увеличить.

– И так огромное! Народ за такие деньги землю руками будет рыть, но откапает вам пацанёнка.

– Я заплачу любую сумму, лишь бы его поймали и привели ко мне. Пусть ищут во всех домах и притонах, под землёй и в лесах. Да хоть в море и реки пусть ныряют. – Гай поставил размашистую подпись и вернул свиток советнику. – Убедись лично, чтобы все провинции получили самые подробнейшие приметы мальчишки. И мне плевать, доставят его ко мне живым или мёртвым, лишь бы доставили. Что там ещё?

Гай взял другой документ.

– Это распоряжение для казначея выдать брату нашей девицы некую сумму золотом для нужд деревни, – ответил старик. Бумага тут же была подписана и возвращена обратно. – А тут письменное удостоверение вашей неслыханной щедрости и дарование этой девочке годового содержания при усло-

вии её выхода замуж за капитана Швидоу.

– Это брось к остальным указам. Не горит, – спешно про-
ронил Гай и отвернулся от Дагорма.

– Как пожелаете, – пожал плечами советник, в душе ра-
дуясь, что золото пока останется в казне. – Но тут у меня
ещё стопка помилований и прочих прошений... Вы бы по-
смотрели да хоть на парочке ещё поставили свою подпись.
Там всё сносно, денег много не тратится, и свобода дарова-
на только самым мелким преступникам. Народ порадует-
ся, а ваша свадьба пройдёт на такой высоте, о какой ни один ко-
ролевский род не слыхивал.

– Отложи до завтра.

– Хорошо, милорд. Кстати, стрелковый турнир мы пере-
несли на после обеда. Сами посудите, с утра будет церемо-
ния, потом поздравления, потом уже и животы хорошо бы
набить, а то на голодный желудок лучники стрелять будут
вяло, и удовольствие от зрелища гостям будет никакое.

– Мне всё равно.

– И вот ещё по рассадке на сегодняшний вечер. Положено,
чтобы вы и ваша невеста сидели друг против друга, но я взял
на себя смелость и решился предложить, чтобы...

– Раз положено, то пусть так и будет. Мы же не любим на-
рушать традиции, верно? – Гай вызывающе улыбнулся стари-
ку, а потом развернулся к Рики. Та давно закончила помогать
портному и теперь сама выступала в роли жертвы последне-
го, а именно, стояла опоясанная лентами и тоскливо ждала,

когда швейных дел мастер закончит возиться с замерами и её мучения прекратятся. – Этим вечером будешь возле меня. Будешь следить, чтобы я не забывал пить эту гадость. – Стернс стрельнул взглядом в сторону склянки со снадобьем, стоявшей на столике рядом с чернильницей. – Поможет стерпеть боль и не скрючиться прежде, чем подадут горячее.

От услышанного Рики и Дагорм застыли как вкопанные, а с пальца портного упал напёрсток и закатился под кресло.

Через открытое окно с улицы донёсся шум. Вначале небольшой, он вдруг резко перешёл в громкие крики, которые было уже ничем не заглушить. К крикам прибавились топот копыт и скрип колес.

Бросив бумаги на стол, Дагорм подскочил к окну и выглянул, и тут же стал белее манжет, которые предусмотрел для свадебного наряда Стернса портной.

– Ваш дядя, милорд! – выпалил старик и заметался по комнате, не зная, то ли бежать во двор, то ли вначале убрать бумаги, а затем бежать во двор. – Его величество король Риккард уже в Торренхолле.

– Найди Феррана! Срочно! И помоги мне спуститься.

– Только не в этом! – Портной молитвенно заложил руки, со слезами на глазах глядя, как после резкого движения Гайларда на пол полетели две булавки. – Я помогу вам переодеться.

– Только быстро! – заторопился Гай, спешно скидывая с себя приготовленные для торжества одежды и даже не обра-

щая внимания на боль в теле. – Рики! – позвал он мимоходом.

– Да, милорд.

– До вечера посиди в комнатах прислуги. И смой с себя эту вонь, иначе за ужином ни у кого не будет аппетита.

– Да, милорд.

Рики стрелой вылетела в длинный коридор. Мысли в голове перепутались, сердце ушло в пятки, губы побледнели, а глаза заблестели. Бежать скорее и постараться в таком виде не попасться никому на глаза! Нырнуть с головой в ушат с тёплой водой, потом расчесать волосы, счистить щёткой грязь с сапог и попросить у прачек чистую тунику. Можно даже не по размеру. Поясом подвязаться – и готово. Только бы те прачки оказались сговорчивыми и согласились помочь. А то вдруг они такие же, как кухарки.

Порот налево, несколько ступенек вниз, прыжок, ныряние под арку и снова влево и на лестницу. Длинную, холодную, не устланную коврами. Быстро-быстро работать ногами по ступенькам, не стесняясь того шума, что творили каблуки. А затем вновь бежать вперёд, вначале протиснувшись между колонн, а затем завернув за угол... Ох!

Со всего размаха девушка налетела на молодую женщину, тоже спешившую по длинному коридору, но только к той самой лестнице, с которой недавно слетела Рики.

– П-простите, – начала лепетать перепуганная до смерти девушка, напрочь забыв об ушибленном лбе и уставившись

на дорогие ткани платья той, кого она только что чуть ни свалила с ног. По телу прошла дрожь. Это ж надо было налететь на знатную госпожу!

А госпожа была тем временем безумно красива: тёмные, вьющиеся волосы, со вкусом уложенные, мягкий взгляд ореховых глаз, губы, не в трещинках и чешуйках, как у Рики, а подобные лепесткам роз после дождя, длинное платье цвета янтаря, пояс, расшитый золотом и бледным жемчугом, кольцо на пальце с драгоценным камнем и ниточка жемчуга на шее в тон тому, что украшал одежды.

– С тобой всё в порядке? – И даже голос был мягкий и нежный, словно перьевые подушки, на которых Рики этой ночью спала первый раз в жизни. Но как же всё неправильно: это Рики должна переживать и спешить загладить свою вину, а она стоит, прилипнув к полу и потеряв дар речи, и вопросы задают ей, словно это её сбили и чуть не порвали рукав.

– П-простите, – только и хватило храбрости что разомкнуть губы и выдавить это слово во второй раз.

Ласковый взгляд скользнул по лисьему личику, взъерошенным волосам, перепачканным штанам и остановился на поясе, к которому был прикреплён зачехленный в дорогу нож, подаренный Гаем на острове.

– Ты не служанка, – промолвили спокойно. – Но кто? Раньше я тебя здесь не видела.

Рики поймала взгляд госпожи и тоже посмотрела на нож.

– Я не украла, – проронила девушка, а ноги стали ватны-

ми.

– Я верю, – ответ был неожиданным. – Но ты мне не ответила.

– Я прибыла ночью вместе с милордом.

– Ты дочь одного из его командиров?

Рики замотала головой.

– Но одета ты... совсем не так, как подобает девушке. И этот нож...

– Одета я вправду не так, как надобно, – тараторила Рики, заваливая красивую госпожу объяснениями, – но это временно, пока не будет готова моя одежда. Раньше я мыла полы в казармах городских стражников и убирала комнату их капитана, а теперь вот служу у лорда Стернса. Правда, что именно надо делать, толком ещё не понимаю, но жду, когда милорд мне объяснит, а пока просто выполняю всё, что он прикажет. Хоть полотенце принести, хоть помочь подняться с постели.

– Лорд Стернс болен? – забеспокоилась госпожа.

– Упал с лошади, – соврала Рики, помня сочиненную перед воротами Торренхолла легенду, которую заучили наизусть все свидетели случившегося на острове и которую было велено неустанно повторять. – Та понесла, как бешеная, он сильно ударился о землю, а лошадь ещё и прошлась по нему копытами.

– Какой ужас!

– Да вы не волнуйтесь, милорд жив-здоров, все кости це-

лы. Старикашка пичкает его разной отравой, от которой раны быстро затягиваются.

– Старикашка?

– Дагорм. Такой седой и очень старый.

– Кажется, припоминаю. Ну, а сейчас-то тебя за чем послали, что ты неслась, как на пожар?

– Так король ведь прибыл. Вы разве не слышали шума? За окнами такой гам и суета, что, чувствую, кого-нибудь ненадолго задавят.

– Ах вот оно что... Тиа! – громко позвала темноволосая красавица.

На её крик хоть и не быстро, но вынырнула из комнаты неподалёку девчонка лет примерно таких же, как и Рики, с охапкой платьев в руках, которые норовили вывалиться при каждом шаге.

– Простите, леди Мириан, что я так медленно. Боюсь, за раз всё не унесу. Придётся возвращаться.

– Брось всё туда, откуда взяла, и проверь, что творится во дворе. Говорят, сам король Риккард прибыл.

– Сию минуту, госпожа.

Рики была готова провалиться сквозь землю. Ну, или хотя бы этажом ниже, ведь до земли было ещё о-го-го сколько. Имя будущей леди Стернс за последние часы произносилось уже столько раз, что не запомнить его мог только глухой. И надо же было так нелепо нарваться именно на ту самую, когда народа в замке хоть отбавляй.

Внезапно Рики почувствовала, как горят губы. Они, наверно, сейчас алее клюквы и прямо кричат о том поцелуе, что Стернс так нагло урвал на корабле. Но почему стыдно ей, а не ему? Она-то не просила и к нему не лезла, но почему-то стоит сейчас перед будущей женой своего хозяина и краснеет, и пыхтит, вместо того, чтобы ещё раз извиниться и попросить не раздувать из случившегося скандал. Ведь, она и правда не нарочно наскочила. Впредь будет внимательнее. А поцелуй... что из-за него так переживать? Стернс повёл себя по-хозяйски нагло – она нашла в себе силы ответить. Стернс о случившемся забыл, а она вот до сих пор вспыхивает при каждом новом воспоминании. Но она никому не скажет и уж тем более этой роскошной красавице. А сама та никогда не догадается. И подумаешь, губы до сих пор красные. Может, это от холода... в такой-то тёплый день!

– Ты что-то хочешь мне сказать? – Мириан внимательно смотрела на Рики.

Девушка замотала головой.

– Тогда чего стоишь на месте? Беги. Милорд, явно, дал тебе какое-то поручение. Уверена, ты не захочешь, чтобы в итоге он оказался тобой недоволен.

– Вы позволите? – робко спросила Рики.

– Ступай, – улыбнулась Мириан. – И впредь будь аккуратнее на поворотах.

Глава 2. Случайные закономерности

– Гайлард!

Король Риккард по-отечески распростёр объятия и крепко сжал племянника, не дав тому ни незаметно ото всех скорчиться от боли, ни просто вздохнуть. В завершение пытки, о которой даже не подозревал, король похлопал Гая по спине и, обняв одной рукой за плечи, неторопливо направился к входу в замок.

За ними покорно следовала Кхира, перед этим обменявшись с кузеном приветственными улыбками и протянув тому руку для поцелуя. Вот только коснулись ли губы Гая её бледных пальчиков? Ответить на свой же вопрос Кхира не смогла, так как прикосновения никакого не почувствовала. Тем не менее оба сделали вид, что безмерно рады видеть друг друга, ведь, решись они показать характер, король был бы крайне недоволен.

Во двор выскочила прислуга и занялась вещами. Сопровождавшие процессию стражники спешили, передали лошадей конюхам и последовали за провожатым в те комнаты, которые им отвели в лабиринтах Торренхолла. Каждый был занят своим делом и торопился управиться быстро и ладно,

чтобы не давать хозяину повода хмуриться и не подвести с началом важного ужина.

Библиотека встретила всех троих Стернсов тёплыми лучами закатного солнца, уже сильно опустившегося за макушки деревьев, уютным потрескиванием поленьев в камине, который только-только разожгли в предверии холодного вечера, и кувшином вина, принесённого из погреба.

Едва войдя в комнату, король тут же стянул с рук пыльные походные перчатки и небрежно бросил их на обитое дорогим, кровавого цвета, бархатом кресло; свои ажурные Кхира стянула медленно и подала следовавшей за ней девушке, которая, приняв от господ дорожные плащи, осталась в коридоре, порога библиотеки так и не переступив.

– Мне лестно, что ты всё же проявил уважение ко мне и отложил свадьбу до моего приезда, – довольно промышчал король, глядя, как племянник самолично наполняет кубки вином.

Однако рука Гайларда странно дрогнула – несколько бордовых капель проскочили мимо кубка и шлёпнулись на стол.

– Разве я мог поступить иначе? – машинально ответил Гай, только сейчас сообразив, что ему несказанно повезло вернуться в Торренхолл за день до прибытия дяди.

– Не буду играть с тобой в кошки-мышки, скажу прямо, – шёл напролом Риккард. – До меня доходят тревожные вести. О том, что ты стал слишком своеволен и рубишь сгоряча, не слушая никого, а то и вовсе не думая.

– Кампанию против Ллевингора вы одобрили лично, если вы об этом...

– Я не про Ллевингор; в том гнилом королевстве давно было пора всех прижучить.

– Тогда я вас не понимаю.

– Читай.

На стол упал свиток, туго стянутый верёвкой. Развернув бумаги, Гайлард жадно глотал слово за словом, а когда закончил, то только равнодушно пожал плечами и произнёс:

– Всего-то обсудил эту тему один раз с Дагормом. И дело было давно, и никакого продолжения не получило.

– Ты должен понимать, что военные кампании не могут вечно быть удачливыми. И прежде чем затевать ещё одну, хорошо бы вначале спросить на то моё мнение. Иначе воевать будешь только своей армией – на мою не рассчитывай.

Гайлард выдохнул. Про сплав на Вороний остров дядя прознать ещё не успел, а свиток содержал лишь рассуждения Дагорма о том, что после Ллевингора его господин может захотеть замахнуться и на других нерасторопных и пока ещё независимых соседей.

– Простите, дядя.

– Когда займёшь моё место, тогда и будешь своевольничать, а пока запомни: я в этих землях король, решать мне, а ты всего лишь исполняешь то, что я одобряю, или навсегда забываешь о том, что мне не по душе.

– Да, ваша милость.

– Вот и славно. – Риккард одобрительно похлопал племянника по плечу, отчего тот сильно закусил губу, и мускулы лица расслабились только, когда рука короля скользнула с плеча к столу и сграбастала кубок. – Как брат? – поинтересовался правитель, отхлебнув крепкого гранатового.

– Отец приходил в себя несколько недель назад и всего на пару часов. С тех пор опять лежит и никого вокруг не узнает. Ничего не помогает.

– Я зайду к нему позже.

– В любое время, когда пожелаете.

– А что твоя будущая жена? Давно здесь, ненавидит тебя или уже разделась? Да ладно, племянник, не красней. – Риккард заботливо потрепал Гая по щеке и пояснил: – Ни для кого не секрет, что все бабы по тебе сохнут. И нашенские, и других краев. Признаюсь, я в твои годы таким красавчиком не был. Видимо, поэтому мне и досталось убожество, а не жена. А ты молчи!

Окрик его величества предназначался дочери, которая всё это время стояла у стола, даже не коснувшись кубка, наполненного для неё Гайлардом. При упоминании о матери Кхира вздрогнула и приготовилась возразить отцу, но была предупредительно тем одернута и уже не посмела вмешиваться.

Секрета не было: отец мать никогда не любил. Женился, как и подобает, по расчёту и за всю жизнь так и не сумел найти в супруге ни одной мелочи, которой смог бы восхититься.

На лицо королева была пресной, часто болела и по каждой болячке подолгу стонала, падала в постель и не вылезала из кровати сутками, нахлобучив на голову страшный колпак и с утра до ночи цедя вонючее снадобье. Даже с детьми у королевской четы не задалось: в то время как у младшего брата было уже два сына, у старшего подрастали лишь две дочери. Родилась и третья, но только умерла, не протянув и недели. Ничто не радовало ни глаз, ни душу короля. Ссоры стали частым явлением, и виделись венценосные супруги крайне редко и только по случаям государственной важности.

Все эти мелочи были известны и Гайларду, но, видя, как побледнела Кхира, он быстро перевёл взгляд на его величество и просто ответил:

– Сегодня за ужином и узнаю, что она из себя представляет.

Риккард чуть не поперхнулся вином.

– погоди, уж не хочешь ли ты сказать, что до сих пор не потискал невесту в каком-нибудь тёмном углу и не ущипнул за ягодицы?

– Отец! – вскрикнула Кхира и залилась краской.

– А ты не слушай! – рыкнул король. – Закрой ручками свои нежные ушки, сядь и займи чем-нибудь голову. А я с племянником о деле потолкую, от тебя и твоей сестры ведь наследника не дождёшься!

Кхира проглотила слова отца все до единого, мышкой

юркнула в кресло, сдвинув королевские перчатки к спинке, и потупила взгляд, стараясь никого не слушать, хоть то было совсем невозможно.

– Мне советовали всё делать в соответствии с обычаями и традициями нашего мира, – нагло врал Гай.

– Какой идиот вбил это тебе в голову?

Гайлард кивнул в сторону свитка.

– Тот, кто донёс вам о моих неосторожных речах.

– А, – протянул Риккард, – нашёл, кого слушать. У старого хрыча всё давно отсохло, и в любовном деле дельного совета от него не жди. Слушай меня, мой мальчик. Обычай – это, конечно, хорошо, но много лучше будет, если ещё до ужина ты будешь знать, что за баба весь вечер будет мозолить тебе глаза. Будет ли от её вида стоять или тошнить. Поверь, лучше это знать заранее, чем потом бить себя по рукам и не касаться жареных потрошков, боясь, что вырвет.

– Если верить Дагорму, то принцесса – красавица.

– Для него и старуха Агрона – резвая козочка.

Гайлард оценил замечание дяди и впервые за вечер был с дядей согласен. Старуху Агрону он хорошо знал: она нянчила Риккарда и отца Гая в детстве, сейчас была уже дряхлой и горбатой, ничего не видела, слышала плохо и только всё время ворчала на молоденьких прислужниц, приносявших вместо двух капустных листов один. Листья те Агрона прикладывала к голове и клялась, что боли тут же проходят, самочувствие улучшается, и даже скидывается годок-два. Ста-

рухе мало кто верил, но, глядя, как вокруг от старости мрут все, кроме неё, начинали сомневаться и тоже бежали за капустным листом.

– А? Я прав? – задорно спросил король и снова похлопал племянника по больной спине, отчего тот был готов взвыть, но делать этого не стал, чтобы себя не выдать, а просто поспешил со всем согласиться.

Риккард в один глоток осушил свой кубок, прижал руку к носу, вдохнул дорожную пыль и потрянул головой: гранатовое вино в этот раз получилось крепче обычного, но королю понравилось. Вдобавок племянник был сговорчив, запахи, витающие в каждом уголке замка, обещали роскошный ужин, дочери не докучали, и вообще вечер обещал безудержное веселье и одни сплошные удовольствия. Для души, как минимум, а там, может, и до тела дойдёт.

Нежная жемчужина, оправленная золотом, никак не хотела крепиться к уху. Мириан пробовала вдевать серёжку раз десять, но пальцы словно окаменели. Они не хотели ни гнуться, ни крепко держать украшение, а только роняли его всякий раз то в шкатулку, то на столик.

– Дай, я, – нетерпеливо произнёс Итор и в один прыжок оказался возле сестры.

– Попробуй, – спокойно выдохнула Мириан, стерпев то, как грубо брат вырвал серёжку из её рук.

- Дрянь какая! – выплюнул Итор, после того как ничего не получилось. – Возьми другие.
- Другие не подходят к этому платью.
- Так сними его.

Брат и сестра вперились друг в друга гневными взглядами. Один смотрел, набычившись, потому что назначенный на определенное время пир уже был готов вот-вот начаться, и опаздывать на него было нельзя; другая – из-за тех вольностей, которые брат допускал в её отношении, а ведь она уже без пяти минут как супруга наследника трона великого государства.

В игре в гляделки Мириан сдалась первая, отвернувшись к столику и тихо сказала:

- Лучше не смотри на меня, и у меня всё получится. От твоего взгляда мне жарко, и руки трясутся.
- Попроси служанку помочь.
- Я отправила её за лилией. Хочу, чтобы цветок был вдет мне в волосы.
- Ещё и лилия, – проворчал Итор, открывая входную дверь и высовывая нос в коридор.
- Ты куда? – вскрикнула Мириан, оборачиваясь.
- Буду ждать тебя у входа в трапезную. У той стены, что украшена нашими знамёнами. Смотрю на них, а на сердце тяжело. Словно издеваются те Стернсы, вывешивая наши лилии на первую линию. Смотрите все, вот они побеждённые!
- Я слышала, лилиями будет украшен и зал, где подадут

яства. Стернсы делают всё, чтобы проявить к нам уважение, а не унижают нас.

– Много ты понимаешь, – хмыкнул Итор и вышел из покоев сестры.

Мириан осталась наедине со злополучной серёжкой.

Теперь можно было вздохнуть свободно, и неважно, что на спине платье стянуто так, что грудь ноет. Тянуть время слишком долго было нельзя, но как же не хотелось являться на торжественное пиршество в честь объединения двух домов рука об руку с братом. Все гости зайдутся жалостью, когда увидят её, статную красавицу, рядом с выразительным уродцем, которого и за короля-то принять противно. Если портреты не врут, и Гайлард Стернс хотя бы вполовину столь привлекателен, как его изобразил живописец, то Мириан несказанно повезёт, и, начиная со дня свадьбы, она будет окружена только прекрасным и роскошным. Если полотна врут, то она просто поменяет одного уродца на другого. Так пусть хоть первый не сопровождает её сегодня в обеденный зал, пусть она войдёт туда одна, как истинная королева, которой ей так хочется быть, справедливая, мудрая и заботливая. Красивая и сердцем, и лицом.

В теле Мириан томилась бунтарка. Казалось бы, что такого в том, чтобы выскользнуть сейчас в длинный тёмный коридор, обогнать Итора и зайти в трапезную первой, заставив того лишь догонять и, выпучив глаза, тихонько ругаться

про себя? Все взоры будут устремлены только на неё. Она будет плыть как лебедь, грациозно и медленно, ловя на себе восхищенные взгляды и очаровывая улыбкой того, кто будет сидеть в самом центре стола. И вокруг будут лишь шепотки восхищения, а не жалость и смешки, а брат... Он упустил Ллевингор, он только больше замыкается в себе, сея вокруг одно раздражение и недовольство. А она... Она сделает всё, чтобы своей красотой околдовать того, кто оказался сильнее. Она растопит лёд в его сердце, если он там есть, и больше не допустит бездумного кровопролития из-за жёлтого металла или куска глины, на которой ничего не растёт.

Жемчужина продолжала капризничать и к уху не крепилась. Мириан аккуратно положила её на бархатную подушечку шкатулки, сняла вторую из другого уха и добавила к первой. Пройдёт пара часов – никто и не заметит, что в ушах ничего нет. Возможно, никто ничего не прознает и сейчас, особенно если высвободить из причёски по паре локонов с каждой стороны, что Мириан тут же сделала и уверенно поднялась.

Нужно было торопиться, но вместе с тем не спешить. Влетать в трапезную, запыхавшись, не подходит её статусу. Нужно ступать спокойно, подняв голову, расправив плечи, пусть даже без серёжек и нужной лилии в волосах. Свойственная с рождения грация и так сразит всех наповал, но цель Мириан – не все, а один единственный человек, давно захвативший её мысли и все эти дни живший там.

Тихонько претворив дверь, Мириан пошла по длинному коридору. Но не по тому, что был хорошо освещён и вёл к знаменам с белыми цветами, а по другому, не столь богатому на факела, не столь многолюдному и заканчивавшемуся у стягов с нолфортским медведем. Пусть такой путь длиннее и менее помпезен, зато на глаза брату Мириан точно не попадётся и в общий зал зайдёт одна, заставив своим появлением всех стихнуть и застыть в изумлении.

Коридор извивался как змея и никак не хотел заканчиваться. В какой-то момент Мириан показалось, что она обошла уже весь замок по два раза, а заветных флагов так и не было видно. Двери, арки, выходы на заросший плющом балкон, тоже длинный и пустой, опять двери, но чертога, где сытно пахнет жареной птицей и кружащим голову хмелем, до сих пор не было видно. А ведь его не пропустишь – там всё в огнях, всё блистает и светится.

Мириан вгляделась в темноту. Ей показалось, что что-то промелькнуло вдалеке. Огонёк. Пусть тусклый, но всё же. Мириан заторопилась. Шаг стал шире, а выпущенные локоны принялись весело подпрыгивать и щекотать кожу.

Но огонёк никак не хотел разрастаться и превращаться в море света. По-прежнему едва колыхался и оказался не больше, чем просто факелом, воткнутым в стену, да парой свечей в крохотной комнате, дверь в которую была приоткрыта. В таких комнатках обычно ждут своей очереди просители или торговцы, давным-давно разгрузившие товар и жаж-

душие оплаты. Такие комнатки обычно людны в будние дни, а тёмными вечерами пусты, тем более, в дни, на которые запланировано грандиозное пиршество. Кто будет заниматься бытовыми мелочами, когда все собрались за большим столом, и есть шанс подобраться к самому хозяину юга и лично шепнуть ему на ухо какую-нибудь свою просьбу? Но если никого нет, то почему горят свечи?

В комнатке промелькнула чья-то тень. Высокий мужчина медленно ходил из стороны в сторону, и именно его силуэт выхватили из черноты тоненькие свечи. Сердце Мириан волнительно забилося. Прильнув к стене, принцесса перевела дыхание, стараясь успокоиться, и попробовала привести мысли в порядок. Выдохнуть удалось, но грудь странно заныла, словно пыталась о чём-то предупредить.

Ошибки быть не могло – это был он. Мириан слишком долго разглядывала его портреты в главных залах замка, изучала линию плеч, прикидывая примерный рост и манеру двигаться, и сделать сейчас неправильный вывод просто не могла. Очень часто, конечно, в ход шло буйное воображение, но ведь сошлось! Представляя Гайларда Стернса в своих мечтах, Мириан рисовала именно эту походку, уверенную в себе и неторопливую, и именно эти движения.

Но почему Стернс здесь, а не среди гостей? Хозяину положено быть в центре внимания, а не прятаться в полумраке. Или он кого-то ждёт? Не её ли? С ума сошла! Как он может знать, что принцессе Ллевингора вдруг захотелось почу-

дить и заявиться в трапезную не в соответствии с правилами, а нарушив их все до последнего? С другой стороны, если именно сейчас и состоится то долгожданное знакомство, которое Мириан столь долго пестовала в душе, то что может быть лучше? Они выйдут на суд десятков пар глаз вместе, и никто больше не посмеет усомниться в благополучии их союза, даже самый заядлый скептик.

Мириан отпрянула от стены, поправила непослушный локон и, стараясь звучать спокойно и ровно, шагнула в комнату и громко произнесла:

– Я рада, наконец, увидеть вас, милорд, но никак не ожидала, что первая встреча состоится именно здесь. Впрочем, это весьма романтично.

– Хотел бы я быть тем милордом, госпожа, но боюсь, разочарую вас раньше, чем вы произнесете следующее слово.

Мириан оробела. На неё смотрел совершенно другой мужчина. Не тот, которого она привыкла видеть на портретах, и которого при каждом случае нахваливала прислуга. Возможно, примерно такого же роста и телосложения, но другой. Без присущей Гайларду лёгкой степени высокомерия на лице и без взгляда завоевателя.

– Вы кто? – внезапно холодным тоном спросила Мириан, быстро сбросив с лица маску нежной невесты и натянув маску хозяйки.

– Простите, ваша милость... светлость... – Молодой муж-

чина волновался и путался в словах. — Я даже и не знаю, как правильно к вам обращаться... Я, видимо, напугал вас. Но мне велели ждать тут, пока не принесут мои бумаги. Сказали, что здесь я никому не помешаю, а получилось, что... помешал вам.

— Это объяснение слишком витиевато, чтобы быть ответом на мой вопрос. Кто вы?

— Моё имя — Дален, — ответил мужчина, совсем запутавшись и не понимая, как полагается вести себя дальше. То ли следует скрестить руки впереди, то ли спрятать их за спину, то ли поклониться, то ли ещё чего.

— И что вы здесь делаете, когда все на пиру?

Беседа напоминала разговор двух глухих.

— Жду.

— Кого?

— Меня он ждет, — прокаркали за спиной принцессы, и из темноты коридора на свет свечей выплыл Дагорм. — Ваше высочество. — Старик поклонился в пояс. — Я, признаться, ожидал увидеть вас в этот час совсем в другом месте. Вы, чай, заблудились?

— Заблудилась, — соврала Мириан.

— Сейчас я вас провожу, — прошамкал беззубым ртом старик. — Только вот распоряжение лорда Стернса этому юноше вручу.

Дагорм протянул Далену свиток.

— Всё, как было обещано. Подпись милорда и его печать в

самом низу. Печать даже ещё не до конца высохла.

– Но, – Дален был в замешательстве, – здесь только один документ. А где же обещанное для Рики?

Старик замялся.

– Лорд Стернс подпишет вторую бумагу завтра. Сегодня такой важный день, он торопится на ужин, а бумагами у него весь стол завален – разгрести несколько дней придётся. Да и сестрица твоя сейчас при нём. Завтра поутру милорд всё подпишет и девочке сразу вручит.

– Как-то всё это...

– Думай, юноша, прежде чем говорить, – резко осёк Далена Дагорм. – Ты не в лавке и не в игорном доме. Тут не обманут. Раз было обещано содержание твоей сестре, то оно будет дано. Лорд Стернс слов на ветер не бросает.

– Простите, – стушевался Дален и после небольшой паузы спросил: – Могу я перед отъездом увидаться с Рики?

Старик кивнул.

– Я передам ей, чтобы она сюда заглянула. – И, повернувшись к Мириан, заискивающе промурлыкал: – Идёмте, миледи, я покажу вам дорогу.

– Пожалуй, не стоит, – внезапно ответила Мириан, совсем не радуясь перспективе появиться перед гостями в сопровождении дряхлого старца. – Я вполне справлюсь сама.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Ну, как знаете. – Старик неодобрительно покачал го-

ловой и пригладил топорщившуюся бороду. – Пойду найду девчонку, – проворчал он и исчез в темноте.

Раздражающее слух шарканье не прекращалось ещё долго. А когда растворилось, то Мириан протянула Далену руку для поцелуя и великодушно произнесла:

– Вам повезло попасть в милость к самому Гайларду Стернсу. Цените это.

– Непременно буду, – ответил Дален и пожал принцессе руку.

Наглое нахальство или элементарное незнание основ приличия? Мириан ответа не знала, но не повела и бровью, а только слегка приподняла подол платья, развернулась и вышла из комнаты. Скандалы в этот день ей были не нужны, пусть и с простолюдинами. В конце концов, они тоже не виноваты. Не каждый день сталкиваешься лбом с королевской особой. А этот и подавно не планировал. Если бы... если бы не её безрассудство.

Гайлард пощупал неудобный воротник и поморщился.

– Мне кажется, мех тут лишний, – заметил Стернс в сторону суетившегося вокруг него портного, поправлявшего наспех подогнанный по фигуре наряд.

– Мех ни капли не лишний, милорд. Он придаёт суровости скулам и взгляду и показывает, кто в этих стенах хозяин.

– А без меха это непонятно?

– Швец дело говорит, – выдавил Риккард, который всё это время, вместо того чтобы переодеться из походного в праздничное и нацепить на грудь золотую цепь, хлестал из кувшина креплёное гранатовое и поучал Гая. – Покажешь той бабе сурового медведя. Пусть знает, что, как только официально будет дозволено, ты её сразу цап в пещеру и дела делать. Всю зиму, – добавил король и громко захохотал. – Пока пацана не заделаешь.

– Дядя, вы пьяны, – процедил сквозь зубы Гайлард.

– А ты сопляк ещё, чтобы меня одёргивать. Хочу – пью, хочу – изменников вешаю. А воротник оставь и на лицо важность напусти. А то стоишь и кислую мину корчишь. Думаешь, я не вижу? Я пить пью, но подмечаю каждую твою ухмылку.

От дяди несло так, что Гая начало воротить. Надо было прежде набить ему живот жареным мясом с протёртой клюквой, а потом вино подавать. Но кто знал, что по приезду желудок короля будет пуст, каким бывает пуст к концу зимы мешок с зерном у крестьянина, имеющего жену и десятерых детей и не позаботившегося о запасах осенью?

Предупредительный стук в дверь принёс в комнату Дагорма.

– Пора, милорд, – прошамкал старик, предварительно обменявшись горячими объятиями с королём и тоже поморщившись от винного, вперемешку с чесночным, запаха. – Все гости собрались и ждут только вашего появления.

– И что? Там тухло и тихо, как на могиле утопленника?
– язвительно поинтересовался Гай. – Все высоко задирают нос и говорят лишь по делу и только о степени прожарки индейки?

– Что вы! Там шум и гам, все жаждут зрелищ и винных рек и очень рады за вас.

– Винные реки – это хорошо! – причмокнул губами король. – А то племянничек поскупился, только три кувшина передо мной на стол поставил. И те крохотные, как вон напёрстки у этого ниточника!

Его величество ткнул пальцем в портного, отчего тот вздрогнул и сильнее обычного нажал на иглу, которой зашивал слегка распоровшийся шов сбоку. Гайлард взвыл. Про себя.

– Где Рики? – только и смог спросить хозяин замка.

– Я наткнулся на девочку у дверей ваших комнат, милорд,
– ответил Дагорм, – и отослал её проститься с братом.

– Что ещё за Рики? – булькая вином, любопытствовал король.

Гай ограничился кратким ответом:

– Моя служанка.

– С каких это пор ты помнишь имена своих служанок? – недоумевал Риккард.

Племянник столь же недоуменно повёл бровями, словно сам удивился шалости своей памяти, а потом перевёл тему:

– И Итор с сестрой подошли?

– Его величество короля Итора я видел у белых знамён, а вот на его сестру наткнулся в другом крыле, со стороны знамён медвежьих, – поведал старик.

– Вот как! – довольно воскликнул король и подскочил к Гаю. – Давай, мой мальчик, действуй. Не упусти шанса пощупать невесту до свадьбы и вдали от посторонних глаз. В общей едальне сделать это основательно не получится, а так будешь знать заранее, хватит ли у девки жира, чтобы выносить детей. Если какую чахоточную или дефектную тебе хотят подсунуть, то сделку расторгнем и товар вернём, не замаравшись клятвами перед богами.

– Блестящая мысль, ваше величество! Я о том, чтобы милорд вышел ко всем рука об руку с невестой. – Дагорм по-своему интерпретировал предложение Риккарда. – Лорд Гайлард, если вы поторопитесь, то перехватите девицу до того, как она явится к стягам. Даже не исключаю, что она до сих пор ещё в той самой комнатёнке, где я оставил её не так давно.

– Что ещё за комната? – спросил Гай.

– Та, где обычно ожидают просители. Её высочество забрели туда по ошибке, там я её и застал.

– А? Как тебе? – продолжал шуметь король. – Даже старик меня поддерживает! Так что ступай и морду кислую более корчить не смей. Понял?

Молодой Стернс всё отлично понял, а также понял и то,

что с дядей лучше не спорить. Не тот день, не тот момент и не то состояние у обоих, чтобы затевать тяжбу, которую оба будут не в состоянии довести до конца, а, значит, Гайларду придётся неминуемо сдаться.

Тёмные стены слились в одну сплошную черноту без единого белого пятна. Какая же это была ошибка – рвануть с места, не захватив с собой даже свечного огрызка! Шарь теперь руками в темноте, страшась уткнуться лбом в доспехи какого-нибудь бутафорного рыцаря, поставленного сразу перед дорогой вазой. И неизвестно, что в момент столкновения будет страшнее: разбитый ли в кровь лоб или разлетевшаяся на несколько мелких кусочков дорогая вещица. К счастью попытка длилась не долго, и уже совсем скоро в дальнем углу коридора забрезжил тусклый свет. Рики заторопилась.

Дален был ещё на месте. Ходил туда-сюда, теребил в руках свиток и морщил лоб, усиленно о чём-то думая. Когда увидел сестру, то сразу посветлел лицом, обнял её ласково за плечи, чмокнул в макушку и прошептал:

– Я буду скучать.

– Я тоже, – пролепетала девушка, зарываясь носом в пропахший морем и порохом жилет. Вытащен тот был из мешка на корабле Стернса и подарен Далену лично капитаном Мортенером.

– Надеюсь, тебя здесь долго мучить не будут.

– А я бы задержалась тут на подольше...

– Рики, так нельзя. Ты должна думать о своём будущем.

– Я о нём как раз и пытаюсь думать, но все мои мысли разбиваются о твои решения.

– Просто я знаю, что для тебя будет лучше.

– Поверю, когда собственными глазами увижу, что ты счастлив с той, на ком женился.

– Я счастлив.

– А если честно?

Рики подняла голову и заглянула брату в глаза. Карие, те блестящие в свете свечей.

Брат взгляда не отводил и, слегка улыбаясь, смотрел на сестру.

– Дурашка, – смешливым тоном вымолвил он, опять прижал Рики к себе, но на этот раз крепко-крепко, и отпустил только, когда та брыкнулась.

– Значит, до встречи, – сказал Дален, направляясь к выходу.

– До встречи, – пробормотала девушка, мечтая, чтобы эта встреча произошла уже завтра, и в то же время желая оттянуть её вперёд на вечность, чтобы никогда не случилось то, чего так жаждет брат.

В едва освещённой комнатке стало совсем одиноко и даже страшновато. Одна свечка догорела. Осталась вторая, которая уже еле-еле дышала и трещала так, словно на неё лили воду тоненькой струей, хотели погасить, а она всё сопро-

тивлялась и сопротивлялась. Эта свечка напомнила Рики саму себя. Брат так же усиленно пытался навязать ей выгодное замужество, даже поддержкой Стернса заручился, а она, маленькая тоненькая свечка, шипела и брыкалась, при этом понимая, что рано или поздно сдаться или же сгорит полностью. Что выбрать? Рики поёжилась.

Глупые мысли в неподходящее время. Не о рыжих усах Швидоу надо думать, а том, как закрепиться среди окружения лорда Гайларда. Надо вцепиться зубами в любую, даже самую крохотную, возможность, не делать глупостей, как сегодня днём, внимательно слушать, по большей части молчать и чётко и своевременно исполнять распоряжения, будь то чистка сапог или простое мытьё головы.

А что будет, когда Сэма найдут? Об этом тоже думалось и гораздо чаще, чем о ненавистных усах. Вон как старик старается: во все уголки страны гонцов разослал, всем в округе объявил, денег пообещал немерено, теперь к воротам Торренхолла потащат всех, кто более менее похож на пацанёнка. За такое богатство родной отец сына сдаст и, не моргнув, поклянётся, что белобрысый нахалёнок не его отпрыск, а именно тот, кого столь жаждет отыскать милорд. И как только среди тысячи подставных обнаружится истинный Сэм, Рики уже будет не нужна. Значит? Значит, надо сделать всё, чтобы оказаться к месту и после.

И Рики тут же всполошилась, осознав, сколько времени потратила за бессмысленными размышлениями в тёмной

комнате. В конце концов, её сюда приняли не рассуждениям предаваться, а обеспечивать безопасность лорда Стернса. А она стаптывает в одной и той же точке сапоги и забивает голову всякой дрянью. А что если именно сейчас, именно в эту минуту милорду угрожают? Вдруг Сэм свалился с потолка и норовит расцарапать хозяину лицо?

Рики заторопилась к выходу. Но прежде суетливо покрутилась, задула последнюю свечу, а затем уже бросилась к дверям, чтобы вынырнуть в длинный коридор, поначалу освещаемый одиноким факелом, а после постепенно погружающийся во тьму. Через пару поворотов тьма рассеется, и глаза начнут слепнуть от буйства света и огней, а пока надо было привыкнуть к черноте, чтобы идти быстро и не свернуть шею об очередного железного воина или не опрокинуть вазу, стоявшую несколько сотен золотых. Шея что? За неё и гроша ломаного не дадут. А вот за вазу спросят в тройном размере.

Света факела хватило ненадолго, а вот мерцания сотен свечей в канделябрах и огромной люстре, привинченной к высокому сводчатому потолку, так и не было видно. Неужели свернула не в ту сторону?

Шершавая стена вдруг стала деревянной. Пальцы нащупали круглый металлический шарик. Дверь? Похоже на то. Навалившись с силой, Рики толкнула от себя деревянное препятствие и вывалилась на длинную, тянущуюся вдоль замковой стены и увитую плющом, террасу.

Ночной ветер ласкал кожу. Он был невероятно тёплый,

пах влажной землёй, цветами и листьями. Мерцающие в чёрном небе звёзды и бледный лунный месяц бросали скудный свет на розовые кусты, от которых шёл такой неподобный аромат, что у Рики закружилась голова. Так хотелось вцепиться руками в каменные перила, закрыть глаза и дышать, дышать розами, пока не надоест или пока не пойдёт первый снег. Слушать шелест листвы, такой волшебный и успокаивавший, что можно позабыть обо всём на свете, в забытьи перекувырнуться через перила и грохнуться прямо на землю, заодно сломав себе пару рёбер. От этой шальной мысли Рики даже повело, и она ухватилась за каменную перекладину крепче, ведь прощаться с жизнью совсем не планировала, а вот насладиться пьянящим цветочным ароматом хотела ещё хотя бы с пару ударов сердца.

Тоненькие холодные пальчики накрыла широкая и горячая ладонь. Рики всполошилась, открыла глаза, но ладонь сжала руку ещё сильнее. Со спины вдруг пошло такое тепло, словно хрупкую девушку обняли, желая согреть в прохладную ночь позднего лета.

– Я тоже люблю вечерами дышать садом, – слышалось над головой.

Рики даже вверх не понадобилось смотреть, чтобы узнать говорившего. Оттого внутри всё похолодело ещё больше, и тоскливее стало в два раза. Снова прокол – в этот момент она должна была быть совсем не здесь.

– Я забрела сюда случайно, – пискнула девушка. – Я то-

ропилась в большой зал. Правда торопилась.

Но её слова были благополучно пропущены мимо ушей. Гайлард Стернс убрал свою руку, отпрянул назад и встал рядом с Рики, уже не грея её со спины, а просто облокотившись на перила.

– Моя мать очень любила розы, – продолжал говорить Гай, глядя вдаль, в черноту, туда, где звезды срывались с неба и падали на усыпанные шипами кусты. – Каждое утро садовник приносил ей свежесрезанную белую, а вечером ставили в вазу кроваво-красную или розовую. Так продолжалось из года в год, замирая лишь на зиму, но даже в заливаемые снежным дождём дни садовник всё равно находил способ порадовать мать. Как это ему удавалось – не знаю, но не помню ни одного послеобеденного чая, чтобы его подали без цветка у чашки. Потом, правда, всё резко прекратилось.

– Садовник умер? – робко предположила девушка.

– Умерла моя мать. – спокойно ответил Гай.

– Простите.

Неловкое молчание длилось недолго.

– Отцу было не до сада; все розы засохли, и только пара кустов выжили. Росли себе, дичали и даже наплодили бутонов, которые имели наглость распускаться из года в год. Я каждый день смотрел на них, на то, как бесстыдно они цветут, с каждым летом становясь всё краше, в то время, как моей матери этого уже не дано, и закипал к ним ненавистью. В один холодный день я взял лопату и...

– Выкопали их и вышвырнули, а потом пожалели? – выпалила Рики.

– ...перекопал, рассадил на места засохших и нанял нового садовника, наказав тому глаз с кустов не спускать. Теперь мой сад такой, каким он был когда-то прежде. Матери бы это понравилось.

– Обязательно бы понравилось, – впервые к месту поддакнула Рики, тронутая той нежностью, с которой всегда внешне холодный Стернс говорил о простых растениях. Девушка была уверена, что поверни он сейчас в её сторону голову, она увидела бы в его глазах слёзы. – От чего она умерла? – поинтересовалось Рики. – От болезни?

– А это уже не твоего ума дело, – Трогательную нежность как волной смыло; вернулся прежний хозяин. – Лучше скажи мне, что ты здесь делаешь, когда тебе было наказано всегда быть возле меня?

– Я...

Гайлард не дал договорить.

– Наш уговор был: я беру тебя к себе, а ты служишь мне и днём, и ночью, оберегая от своего клыкастого дружка. Так?

– Так.

– Я отпускал тебя помыться и почистить одежду, так?

Рики кивнула.

– И я смел надеяться, что ты выполнишь моё распоряжение быстро, и я уже не буду более беспокоиться о безопасности своей жизни. Но что я вижу? Ты просто стоишь тут и

дышишь розами!

– Но, милорд, это же такие... такие... такие розы! – страстно выплеснула Рики, так и не сообразив, каким словом можно было описать всё то великолепие, которое сейчас сводило её с ума, дразнило, искушало, пьянило.

Гай улыбнулся. Нет, конечно, темень вокруг была страшная, и дальше кончика своего носа Рики с трудом видела, но месяц в небе в тот самый миг вышел из-за пухлой тучи, и девушка заметила, как дрогнули губы на лице хозяина.

Гайлард был прекрасен. В чёрных одеждах, расшитых серебряной нитью ровно настолько, чтобы смотреться не вычурно и в то же время достойно наследника короля, Стернс выглядел величаво, и пропасть, и без того огромная и лежавшая между ним и Рики, вдруг на глазах у девушки увеличилась вдвое, а ведь всего минутой ранее Рики о ней даже не вспоминала. Во всём виноваты эти розы! Они свели с ума. Или месяц. Ведь именно он так некстати высунулся из-за тучи.

Прозвучал рог. Низкий звук донёсся не с улицы, а из-за стен. Такое могло говорить только об одном: его величество Риккард Стернс явился на ужин. Явился один. Без сопровождения хозяина башен Торренхолла и по совместительству племянника. И в лучшем случае тяжёлый стул за столом королю отодвинул Дагорм, а в худшем...

Гайлард выпрямился.

– Идём.

– Как? Я с вами?

– Мы, кажется, это уже обсудили.

Гай шагал широко и быстро; Рики едва поспевала.

– Может, я лучше постою за дверью?

– А жрать меня твой ненаглядный тоже будет за дверью?

– Прежде чем вас сожрать, ему надо будет в залу через те двери просочиться, а, значит, пройти мимо меня.

– Пролезет. Эта скотина, где хочешь, пролезет. Гнидой прикинется и в постель ко мне по балдахину скатится. Кстати, тебе уже подготовили комнату?

– Да, милорд. В том крыле, где кухня и где спят...

– Я же велел рядом со мной!

– Может, я вас не так поняла?

– Вокруг меня одни болваны. И ты в их числе.

– Уж как получается, милорд. Я тут пока первые сутки – с непривычки всё путаю.

– Ты можешь ползти быстрее?

– Свои сапоги я почистила, но они развалились. Мне дали чужие, а те мне жмут. Сами понимаете...

– Расскажешь это моему дяде.

– Простите, милорд, но вы опоздали вовсе не из-за моих сапог.

– Я искал леди Мириан...

– Вашу невесту? – ахнула Рики, и как-то стало совсем не до сапог.

– ...а наткнулся почему-то на тебя.

– Я видела леди Мириан много часов назад, когда солнце ещё было высоко.

– Да? А мне передали, что её видели как раз в этом крыле и совсем недавно.

– Кроме меня и брата тут никого не было. Я вам не вру! Пустые коридоры, пустая лестница...

– И как она тебе?

– Лестница?

– Тьфу.

Гай резко остановился, и Рики налетела на него, ударившись лбом о плечо. Вокруг всё переливалось и блестело, глаза с трудом разлипались, привыкая к буйству огней, а из распахнутых настежь дверей, ведущих в огромную залу, доносился шум. Оттуда же шли и такие запахи, что у Рики сразу заурчало в животе. Но, отлично помня недавний разговор, девушка мигом взяла себя в руки, одёрнула на себе тунику и съехавший в сторону жилет, пару раз моргнула и смело шагнула за Гайлардом, успев услышать от него заветное:

– Запомни, ты всегда со мной. – И затем уже более прозаическое и возвращающее с небес на землю: – Стоишь за моей спиной и не зеваешь.

Глава 3. Ключ

В народе поговаривали, что у Нофлорта три сердца.

Холодное и расчетливое принадлежало северной столице королевства, величаво именуемой Эйрой, что в переводе в мёртвых языков означало «заснеженный форт». В тех местах часто было холодно, снег таял ближе к середине весны, люди говорили коротко и по делу, и меховые накидки были самым ходовым товаром на главном базаре.

Добродушным и гостеприимным было сердце второе. Числилось оно за землями срединными, богатыми на реки и озёра и находившимися под присмотром лорда Альгервильда. Что и говорить, места вокруг Папоротниковой впадины были любимы всеми. Любимы за полные дикого кабана леса, за тишь и умиротворение вокруг, за неспешные беседы за ломившимися от яств столами и за круглолицых крестьянок, что несли к ужину наломанный крупными кусками хрустящий хлеб или головку ноздреватого сыра.

Было ещё и третье сердце.

И если первое всегда билось ровно и на лишний удар было скупое, а второе своим стуком успокаивало и настраивало на разговор по душам, то третье разрывалось на части, частило и не щадило себя ни секунды, словно каждый прожитый миг был последним. Сгорая от страсти, то сердце купа-

лось в лучах горячего южного солнца и наслаждалось жизнью. Такими были дни в Торренхолле, таким был и весь юг королевства, такими были местные закаты и рассветы, полные красок и запахов, будоражившие воображение и сводившие с ума.

В тот вечер третье сердце не унималось, стучало громко и затихать не собиралось даже на ночь. Слуги сбились с ног, едва успевая подавать к столу угощения. Вино лилось рекой, хлестало через край кубков и шлепалось бордовыми кляксами на деревянный стол. Вытирать кляксы никто не спешил – прислуга просто бахала поверх них очередное блюдо с уткой, обложенной печёной айвой, и навсегда забывала о въевшихся в дерево пятнах.

Шум стоял невероятный: обсуждались всякие мелочи, начиная с последних новостей о здоровье королевы Маргариты, правившей в королевстве за морем, находившемся столь далеко, что никто не решился послать ей гонца с приглашением на свадьбу (королева всё равно бы не прибыла, а почтовые расходы были бы колоссальны), и заканчивая цветом пуговиц, популярным этим летом у нолфортских модниц. Затих шум лишь, когда в дверях появился Гайлард. По обе стороны у входа в трапезную стояли стражники, и покорно следовавшая за Стернсом Рики всё боялась, что они сомкнут свои пики прямо перед её носом, а потому чуть ли не прилипла к спине Гая, пару раз даже отдавив ему пятки.

Спрятаться за широкой спиной господина полностью, од-

нако, не получилось. И пока глаза резало от свечного блеска, смешанного с блеском золота, алмазов, рубинов и таких драгоценных камней, названий которых бедная деревенская девушка до этого вечера никогда не слыхивала, её пристально рассматривали несколько десятков пар глаз. Рассматривали кто с недоумением, кто с жалостью, кто с негодованием. Гайларду на взгляды было плевать. Он быстро и уверенно пересёк половину залы, обменялся приветствиями со всеми, с кем было положено, и опустился в предназначенное ему кресло, в то время как вечно всё подмечавший Риновар предусмотрительно схватил Рики за руку и оттащил подальше от стола, иначе та сослепу врезалась бы прямо в одного из важных гостей.

– Я что-то не понял. – Король качнулся в сторону племянника и обдал того пареной репой, маринованной в изрядном количестве тёмного пива. – Я велел тебе явиться с принцессой, а ты приволок какое-то чучело.

– Я вам не собачонка, дядя, чтобы бегать, как чумной, за каждой костью, что мне бросают, – тихо парировал Гай, взглядом встретившись с Мириан.

Та сидела на другом конце длинного и широкого стола, смотрела на молодого Стернса, слегка улыбалась, но одновременно и внимательно слушала брата, который в тот момент что-то страстно шептал ей на ухо. Вероятно, гадости, так как от услышанного Мириан вмиг нахмурилась и бросила пару слов Итору в ответ, а тот в свою очередь взвинтился

и недовольно засопел.

Король Риккард повернул голову в сторону стражи и слуг, покорно стоявших за спинками кресел хозяев, и поморщился. Гай тут же понял причину.

– Что, дядя, – хмыкнул он, выбрав с общего блюда пару кусков курятины и попутно выпачкав в жире манжету, – моё чучело своим видом портит вам аппетит? А вы не крутите головой, смотрите прямо. Я вот смотрю и глаз не могу отвести от красоты напротив. Даже сухое цыплячье крыло не встаёт поперёк горла, а идёт отлично. Особенно под вино.

Риккард проследил за взглядом племянника, и его красное лицо расплылось в довольной улыбке. Гайлард любовался Мириан, а та потупила взгляд, продолжая о чём-то горячо спорить с братом, и вертела в пальцах розовую виноградину.

– Хороша, а?

Король похлопал Гая по плечу и даже не заметил, как тот сразу зажмурился и стиснул зубы. Вечер не окончен, а, значит, муки продолжатся, и от ненавистной боли будет куда не деться.

– Зубы белые, грудь большая, волосы длинные, – болтал без умолку Риккард. – На такие прелести смотришь, и сразу желудочный сок начинает вырабатываться. А как голову назад воротить, то из желудка всё лезет обратно.

– А вы не оглядывайтесь, дядя, – съязвил Гай и отхлебнул столько вина из кубка, сколько последний раз пил на корабле в ту самую ночь, когда совсем потерял голову. – Если бу-

дет не хватать картофеля с печёным перцем, говорите мне. Я разберусь.

– Твоё дело сегодня не картошку считать, а бабу завести, – рыкнул себе в бороду король, но Гай услышал. – Впрочем, я заметил, как она на тебя смотрит. И скажу тебе, что ты будешь последним идиотом, если не поймеешь её прямо сегодня ночью.

– Вы забываете, ваше величество, что мы ещё не женаты. Риккард едва не поперхнулся костью.

– Когда тебя это останавливало?

– Меня – никогда, но я не рискую отвечать за леди Мириан.

– Кто спрашивает бабу?

– Согласен, – на автомате ответил Гай, а перед глазами вдруг опять всплыла ночь на корабле, когда он нагло и похозяйски, ни о чём не спрашивая, попробовал на вкус губы неопытной девчонки.

– Наконец-то узнаю тебя, – довольно промычал король. – А то ломаешься как девственница, словно и не родной мне. А теперь давай, вели слугам разлить вино да скажи чего-нибудь приятного нашей красавице, а то она, смотрю, совсем скисла.

Стоявший в огромной трапезной гул, где из слов можно было разобрать только те, что говорил сосед рядом, на время стих. Два государства – победитель и побеждённый – обменивались любезностями, поднимая кубки за здоровье и сча-

стве Гайларда и Мириан. Концовки речей подхватывали гости, громко радовались, пили до дна и требовали дать им слова, чтобы восхититься красотой молодой пары, а заодно и наплести с гору лести Риккарду Стернсу, развалившемуся в кресле ленивым львом и окончательно захмелевшему.

Гайлард вышел из-за стола. Стоявшая за его спиной Рики было рыпнулась следом, но Стернс щёлкнул пальцами, приказав девушке оставаться на месте. Рики ничего не оставалось как замереть и вытянуть шею, чтобы попытаться рассмотреть, что происходит в другом конце залы.

– Не стоит так напрягаться, – услышала девушка вкрадчивое рядом.

Говорил Риновар – Рики отлично успела выучить за день его размеренный голос.

– Прислуге не положено ни привлекать к себе внимание, ни самой пялиться на господ. Там, – Риновар кивком указал на дальние кресла, к которым спешил Гайлард, – не балаган, и хохму не покажут. Так что встань ровно, спину выпрями, руки опусти. Взгляд – в пол. Мышь должна быть более заметна, чем ты.

– Это легко, – ответила девушка. – Мышей в казармах всегда подмечали и сапогами в них кидались, а я могла часами на скамье сидеть и не дожидаться даже плевка в свою сторону. Но вот делайте со мной, что хотите, а не смотреть я не могу. Я в жизни никогда подобной красоты не видела, дайте наглядеться!

Слуга смилостивился, сам зыркнул в сторону леди Мириан и тяжело вздохнул. Его покойная жена даже отдаленно не была такой. Все поцелуи были пресными на вкус, и как бы ни хотелось добавить в жидкий суп острого перца, его попросту не было в закромах.

– Красоты вокруг и правда мало, – согласился Риновар и на шагок пододвинулся к Рики, словно желал продолжения сплетен. – Дамы все собрались хоть и из высшего света, а на половину смотреть тошно. Видишь вон ту бледную и постоянно чихающую? С ней рядом никто, кроме Дагорма, сесть не рискнул. Это Кхира, старшая дочь короля Риккарда.

– Королевская дочь, а вся зачихала... Его милость дочку совсем не кормит?

– Кхира долго и сильно болела – еле выходили. Теперь вот каждый час кашляет.

– Как бы старик не заразился!

– Дагорм-то? Его уже давно никакая гадость не берёт. Думаю, и помрёт он только тогда, когда голову отрубят.

– А высокая и худая кто?

– Леди Росанна Альгервильд. Её отец – владелец земель в Папоротниковой впадине.

– Лицом ничего. Только брови слишком тёмные.

– Вчерашним днём она переборщила со смесью из свекольной ботвы и луковичной шелухи.

– Зачем?

– Видишь ли, некоторые дамы идут на любые ухищрения,

чтобы заинтересовать хоть какого-нибудь мужчину.

— У неё есть имя и состояние. Разве этого мало, чтобы кого-то заинтересовать? Брови-то зачем ещё красить?

Риновар достал из нагрудного кармана платок и вытер им пот со лба. Не каждый день распорядителю лорда Стернса приходилось вести беседы о женских ухищрениях; подко-ванности в этом вопросе было мало, а вот сожалений о начатой теме уже слишком много.

— Видимо, потому и красит, что не всё гладко. Всем ведь хочется супруга познатнее и получше, а лучших давно расхватали.

— Надо же, — протянула Рики, — высший свет, а нравы, как у нас в деревне. За братом тоже все девицы увивались, потому что он помощник старосты и дом большой имеет, и внешне красавец. Ни шрамов, ни бородавок на лице нет.

— Вот, — поучительно заметил Риновар, — бьюсь об заклад, он выбрал такую, что глаз радуется.

Рики горестно вздохнула.

— Лучше бы он взял ту, что заикалась...

Глаза снова не удержались и выхватили из толпы напыщенных лордов и леди, всех в богатых нарядах и с украшениями на груди и пальцах, милорда. Гайлард беседовал с Мириан, мило ей улыбался и получал такую же улыбку в ответ. Вот он вдруг взял из рук невесты кубок, потянулся за кувшином, сам лично наполнил тот кубок вином и протянул темноволосой богине. А потом даже наклонился к ней близ-

ко-близко, почти пробуя губами мочку её уха, и что-то сказал. Видимо, приятное и волнующее, так как леди Мириан кокетливо улыбнулась. А Гай сделал глубокий вдох. Такой глубокий, словно вдохнул аромат своей будущей жены. Аромат ночных цветов и фруктового вина.

– Ты не слушаешь? – уловила Рики голос Риновара и вдруг поняла, что тот продолжал без устали бубнить и теперь перешёл на следующих гостей.

– Конечно, слушаю, – мигом среагировала девушка и попыталась отгадать, о ком на это раз могла идти речь.

Задача оказалась не сложной. Взгляд Риновара был прикован к рыжеволосой молодой женщине, занявшей место в самом центре длинной части стола и сидевшей между важной пожилой дамой, чрезмерно напудренной и говорившей тоненьким писклявым голосом, и почтенного возраста мужчиной. Последний тоже выглядел важно и по степени напыщенности ничем не уступал самому королю Риккарду.

– Бьянка Талайт. Роскошная женщина. Вроде не первая красавица, а сколько в ней шарма! Смотрю и облизываюсь. И не я один.

– Талайты, Талайты... – бормотала Рики, в уме прикидывая, какую из земель Нолфорта может представлять эта мушка над губой.

Риновар пришёл на помощь.

– Имил Даар. Восточное королевство. Живут на Белых скалах и вечно спорят о каждой рыбёшке с Дейерли. Но в

Дейерли Вармунды, а пока живы и те, и другие, двум королевствам ещё долго не спать спокойно.*

– Они совсем не похожи.

– Кто? Талайты и Вармунды? Ещё бы! Это как сравнить курицу и орла!

– Да нет... Эта ваша Бьянка совсем не похожа на того господина. Ну, который рядом сидит. Ну, её отец. Не поняли?

Риновар посмотрел на Рики с сожалением. Недавнее сравнение с курицей сейчас оказалось бы кстати, только в роли орла будет выступать он сам, а роли безмозглой птицы... Неопытная девчонка ни капли не представляла себе, с какими важными людьми она находилась в одной зале, каким великим персонам её выпала честь прислуживать, а только задавала глупые вопросы и даже не удосужилась вначале просто пошевелить мозгами.

– Леди Бьянка не дочь королю Талайту, а его невестка, – важно проронил распорядитель, чувствуя себя в этот момент чуть ли ни летописцем.

Лицо Рики вытянулось от удивления.

– Вот я ведь и говорю, что они совсем не похожи. А где сын короля?

Риновар кашлянул.

– Сын его величества мёртв. Увлечение охотой сыграло с ним злую шутку. Леди Бьянка – вдова.

– Но платье на ней совсем не траурное.

– Она и так носила траур во много раз дольше положен-

ного; теперь пора и о жизни вспомнить.

– А она из какого королевского рода?

– Кто?

– Леди Бьянка.

Риновар фыркнул.

– Она вовсе не голубых кровей. Её прадед отхватил в своё время земельку домов на десять, развёл овец и начал стричь шерсть и продавать по всем соседям. Так и сколотил капитал, и детей в свет вывел. Но леди Бьянку к королевскому двору привела её тётка. Видишь, рядом сидит? Леди Фианна Рээй. Она по молодости выгодно выскочила замуж за одного из королевских советников, вот племяннице и повезло. Сумела вскружить голову самому принцу. А как не вскружить-то? Одна мушка над губой чего стоит. Гордон Талайт был от неё без ума. Да и король в невестке души не чает. Гляди, как смотрит. Так и готов пылинки сдувать.

– Но леди Мириан всё равно красивее, – обреченно заметила Рики, переводя взгляд с рыжей любимицы правителя Имил Даара на ллевингорскую принцессу.

– Согласен, – подхватил Риновар. – Роскошная роза. – И тут же уточнил: – Роскошная королевская роза. Милорд будет с ней счастлив.

Мириан и Гайлард вместе смотрелись идеально. Тихо беседовали, не сводили друг с друга глаз, и в какой-то момент его рука даже легла поверх её руки. Легла точь-в-точь так же, как часом назад на террасе в саду. Рики отлично помнила,

какой жар исходил от ладони Стернса. Грел сильнее костра в холодную ночь, придавал жизни и заставлял сердце биться чаще.

Внезапно Гай встал. Коснувшись губами руки принцессы, взял свой кубок и пошёл к своему месту. Знакомство свершилось и прошло идеально: король Риккард довольно хмыкал и цедил вино, Гай не спеша возвращался туда, где оставил дядю и Рики, а Мириан подняла голову, проводила Гайларда внимательным взглядом и вдруг посмотрела на Рики. Девушка вздрогнула. Взгляд миледи был таким пристальным, словно та нашла интересную книгу и сейчас решила прочитать её от корки до корки и выведать все секреты и тайны.

Сама не ведая, как это случилось, Рики вдруг коснулась пальцами своих губ. Те горели и, вероятно, в тот момент были нездорово алыми. Мириан продолжала смотреть, и внезапно Рики показалось, что Мириан всё знает. Знает о террасе, о мерзком поцелуе на корабле... От стыда захотелось провалиться сквозь землю или хотя бы поискать защиты у Гайларда. Вот только милорд ту стыдливость не разделял, на Рики даже не смотрел, просто плюхнулся в своё кресло и получил от дяди очередное похлопывание по спине. На этот раз одобряющее.

– Высокомерие так через край и хлещет, – проскрипел Итор, кривя губы и выплевывая виноградные косточки. – Пока он тут торчал, я всё думал, что меня вывернет.

Мириан повернула голову в сторону брата.

– Ты преувеличиваешь. Лично я нашла Стернса милым, привлекательным и интересным. Его шутка о пережаренных каштанах была весьма к месту.

– Пресная, как и всё, что сейчас стоит на столе. Вино кислое, птица обугленная, а соус слишком холодный.

Мириан пожала плечами.

– Не ешь, раз не нравится. Потерпи до церемонии, а потом возвращайся в Ллевингор и жди, когда тебе подадут жёсткое мясо на ужин.

Но Итор продолжал кипятиться.

– А морду ты его видела? Весь вечер недовольная, словно ножом режут.

– Я же рассказывала тебе про лошадь. – Терпению Мириан можно было только позавидовать. – Слуги не станут врать про господина.

– Кто тебе ту чушь сболтнул? Пигалица, что у Стернса за спиной? Да эта соврёт что угодно, лишь бы тёплое местечко за ней оставили.

– Ты уверен?

– Выгораживает хозяина верная шавка, а сама на вид, как колючка от шиповника или сорняк. Таких моя собака давит, когда на волю вырвется. Сама подумай, какой должна была быть та лошадь, чтобы опытный всадник грохнулся с неё так, что крючится от каждого похлопывания?

– Я не знаю, – растерялась Мириан. – Но к чему ему при-

творяться?

– А чтобы иметь веский повод прилюдно кривить губы, стоит мне сказать хотя бы слово.

– А мне кажется, ты ошибаешься. Мне Стернс показался любезным.

– Пусть только посмеет обидеть нас. Уж я...

Мириан теперь смотрела на Гая. И правда, каждое касание его плеч или спины мигом отражалось на его лице. Вот король Риккард шепнул племяннику что-то на ухо, вот немного потерял равновесие и проехался подбородком Гайларду чуть ли ни по шее. И того сразу перекосило. Вот король по-дружески дал кулаком чуть выше локтя, и Гай опять еле стерпел. Версия неказистой служанки казалась более правдивой, чем пьяный лепет брата. Узнать бы теперь, что правда на самом деле, а что бо́льшая фантазия, вызванная ревностью. Может, когда всё закончится, позвать девчонку к себе и за уютной болтовнёй по-женски всё выпытать? Слуги болтливы, а невзрачные – вдвойне. Главное, расположить эту колючку к себе.

Его величество король Риккард сильно захмелел. Сидел уже еле-еле, больше лежал, то откинувшись на спинку кресла, то на ещё трезвого племянника, сильно надавливая тому на раны. Смотреть на бесконечные попытки стало невыносимо, и Рики решила. Тем более и Риновара рядом не было – слуга отошёл проверить, несут ли пудинг.

– Ваше величество, – начала вполголоса девушка, припод-

нимая короля за локоть и заставляя того сесть прямо, – прошу меня простить, но у милорда эта сторона ещё не до конца зажила.

– Что? – Брови Риккарда сдвинулись так, как соединяются в ясном небе грозовые тучи, готовые вот-вот выпустить на волю молнию. – Ты кто такая?

– Рики... – Гай облизнул перепачканные вином губы и схватил девушку за руку.

– Рики, – бубнил король, едва соединяя звуки в слова. – Где-то я уже слышал это имя. Ты что ль его расцарапала, что он так морщится, стоит его пальцем тыкнуть?

И Риккард шутливо ткнул племянника мизинцем в грудь.

– Милорд упал с лошади, ваша милость, – страстно оправдывалась за Гайларда девушка.

– Чего? – ещё громче прорычал король, а брови уже почти заползли друг на друга. – Этот жеребец и с лошади упал?

Рики покраснела, только сейчас осознав, что она натворила. Все гости смотрели только в её сторону и жадно ловили каждое слово. Кто-то попутно перешептывался с соседом, кто-то просто осуждающе качал головой.

Король поёрзал на месте и качнулся в сторону племянника.

– Про лошадь ты мне потом наедине расскажешь, не для всяких ушей разговор. А девку вели выпороть, и чтобы больше я её в Торренхолле не видел!

Гай притянул Рики к себе и, не глядя в её сторону, равно-

душно процедил:

– Пошла прочь.

А потом выпустил её руку, успев перед этим незаметно для всех снять с цепочки, спрятанной в кармане одежды, жёлтый ключ и сунуть его девушке в кулачок.

Вся красная и в слезах Рики выскочила в коридор. Первый день в Торренхолле вместо сказки превратился в настоящий кошмар. Все вокруг над ней смеялись, все пинали и смотрели свысока, и даже лорд Стернс не выдержал и выгнал. И провожатых не дал – сама найдёт дорогу, отопрёт дверь ключом и выйдет на улицу, чтобы пойти куда глаза глядят. Вот только глядеть те никуда не глядели, а грязный кулачок, от которого сильно пахло зажатым в нём металлом, смахивал с обеих щёк непрекращающиеся слёзы.

Навстречу несли розовый пудинг. Он качался на огромном блюде из стороны в сторону, внутри был полон ягод и пропитан ромом. Даже пудингу в тот вечер внимания было оказано больше, чем простой деревенской девчонке. Его ждали с большим энтузиазмом, над ним тряслись и боялись уронить и резали его аккуратно, по сторонам не разбрасывая ни капли.

Рики раскрыла кулачки подбросила ключ на ладони. И тут промах – ключ перевернулся в воздухе, но вместо ладони упал на пол, громко звякнул, но быстро затих, так как был накрыт сапогом.

– Я провожу, – произнёс Риновар, убрал ногу и поднял

ключ.

– Отдайте, – тяжело вздохнула Рики, еле выдерживая весь свалившийся на голову позор. – Я сама.

– Моя работа заключается в том, чтобы следить, насколько вовремя и точно исполняются желания лорда Стернса. И если милорд желает видеть тебя сегодня ночью в своей постели, то не тебе и не мне ему в этом перечить.

Рики непонимающе смотрела на верного слугу.

– Это ключ от его спальни, – пояснил тот и, поманив девушку за собой, пошёл по длинному коридору.

В спальню Гайларда Рики ступила робко. Темнота здесь соседствовала с мёртвой тишиной и запахом можжевельника. Тяжёлые шторы были опущены и не пропускали ни лунного, ни звёздного света. Шкура огромного медведя на полу грела ноги, стоило те голые спустить с кровати, а сама кровать – высокая и широкая – стояла у дальней стены под синим пологом и была застелена вышитым покрывалом с пушистыми серебряными кистями по углам.

Всю дорогу до покоев господина Риновар и Рики молчали. Девушка совсем запуталась в правилах игры при дворе, а старый слуга вспомнил, что до высокой должности он дорос именно благодаря своему умению молчать, не вникать в дела хозяина, если того не требуется, и уж тем более его не осуждать. Последнее временами давалась сложно, но с годами Риновар закалил в себе равнодушие и порой ловил себя на мысли, что, задумай Стернс на его глазах проткнуть пи-

кой ребёнка, он не посмел бы перехватить руку милорда.

Сегодняшний каприз удивил: Риновар скорее сделал бы ставку на двух шлюх, чем на невзрачную девочку, с помощью которой хозяин собрался этой ночью утолить голод, но, возможно, страстные девицы с пышными бёдрами и выразительной грудью ему приелись, и захотелось чего-то свежего, невинного. С запахом ветра в волосах и покорным взглядом. Точного ответа Риновар не знал, но был уверен, что утро покажет. А стены всё услышат и расскажут.

В комнате зажгли свечи. Не много, но достаточно, чтобы найти застёжки на одежде и расстегнуть их, готовясь к ночи. Потом принесли глубокую миску, кувшин с тёплой водой и полотенцами. Служанка, поставившая всё на низкий столик, мимоходом взглянула Рики и про себя хихикнула. Самого смеха Рики не расслышала, но успела заметить, как предательски дрогнули уголки губ одетой во всё серое девчушки.

Зачем принесли воду, Рики догадалась. Пусть опыта в этих делах не было совсем, но месяц, проведённый среди мужланов в казармах Швидоу, дал о себе знать. Пошлых рассказов, когда смаковались даже самые мелкие детали, Рики успела послушаться по десять за вечер. Богатые мужчины часто наказывали провинившихся слуг: одних пороли, с непокорностью других расправлялись иными способами. Но спуску не давали никогда и никому.

Мог ли Гайлард Стернс быть исключением из того вороха властных богачей, успешно и умело пользовавшихся слабо-

стью женщин и бесправностью слуг? Вполне, если бы он того захотел. Но косой взгляд Риновара, закрывавшего за собой двери, говорил об обратном, а поджатые губы, с которых не слетело ни одного ответа ни на один вопрос, только подтвердили догадки.

Рики присела на краешек неудобного кресла у столика. Время шло, воспоминания о спокойных деревенских буднях, когда за неё всегда мог постоять брат, когда не надо было притворяться и молчать, а можно было говорить смело и всё, что думаешь, жгли сердце. Оно ныло нещадно и призывало пойти на поводу у страха, выбежать из комнаты и, пока никто не спохватился, бежать подальше из Торренхолла. В лес, к морю, к озеру. Куда угодно, где никто не найдёт. Ни Стернсы, ни Швидоу, ни даже брат. Но ноги почему-то как к полу прилипли и не решались даже на крохотный шаг. Один страх перевесил страх второй; Рики окончательно сдалась и всхлипнула.

Время шло, свечи догорали, месяц плыл по небу, а ветер колыхал макушки деревьев, подвывая в трещинах в камне замка. Глаза слипались. Несколько раз Рики ловила себя на том, что уже подложила руку под голову и даже покемарила минут пять-десять. Принесённая вода давно остыла. От мысли, что придётся гнать служанок за новым кувшином и ещё раз терпеть косые взгляды, по телу пошли мурашки.

За дверью слышались шаги. Кто-то не стеснялся громыханием сапог разбудить половину замка, при этом ещё

громко говорил, отдавая распоряжения на завтра. Собрать, кто это был, было несложно, и Рики поняла, что час расплаты настал.

Гайлард медлил и в спальню не входил. Рики даже заметила, как двинулась дверь, собираясь распахнуться, но не открылась. Дверную ручку крепко держали с той стороны и тянуть со всей силы пока не собирались. Гайлард был не один. Рики прислушалась.

– Я бы внимательно тебя выслушал, Ферран, но не сейчас.

– Я понимаю, милорд. Сейчас, конечно, момент неподходящий. Но, может быть, завтра с утра? Чем раньше, тем лучше. Сами знаете, я просыпаюсь задолго до рассвета и буду у вас по первому же зову.

– Я подумаю.

Гай говорил сбивчиво. Рики так и представила себе, как он стоит, держась за ту несчастную дверную ручку, изнемогая от боли, которой сковало всё тело, и морщится.

– Это действительно важно, милорд. В замке крыса – я в этом уверен.

– Я предложил тебе вспороть ей брюхо, в чём проблема? Ферран замялся.

– Крыса слишком крупная, чтобы разделаться с ней, не сообщив вам подробности.

– За окном глубокая ночь, а ты мне загадки загадываешь, – усмехнулся Стернс.

– Так вы уделите мне время утром?

– Я пришлю за тобой, когда буду свободен.

– Благодарю, милорд.

Ещё пара расшаркиваний, и «тёмный командир», как называла его про себя Рики, уйдёт. Девушка помнила Стендена. Ей хватило увидеть его всего один раз, подглядывая в дырку в стене в спальне подруги, чтобы навсегда запечатлеть в своей голове образ угрюмого, молчаливого воина с цепким взглядом. Встретиться с ним один на один Рики не пожелала бы никому.

Когда открылась дверь, и Гайлард вошёл в комнату, Рики тут же подскочила в кресле.

– Света мало, – буркнул Стернс, прошёл к кровати и, еле сдерживая стон, повалился на покрывало, даже не сняв сапог.

Рики бросилась к столику, на котором стояли канделябры. Охалка свечей лежала неподалёку. Девушка вытащила из подсвечников догоревшие огрызки и вставила новые. В просторной спальне стало ярче, тени на стенах перестали сливаться в одно сплошное чёрное пятно, а заплясали весёлый танец.

– Подойди, – услышала Рики роковое.

На негнущихся ногах девушка подковыляла к кровати, застыла столбом и, не решаясь поднять головы, смотрела на роскошное покрывало, безжалостно подминаемое нечистым сапогом.

Гайлард повернулся в сторону Рики, окинул девушку

нетрезвым взглядом и хрипло спросил:

– Спала?

– Нет. Ждала вас.

– У тебя щека помята.

– Может, и уснула. Я не помню.

– Надо раздеться.

– Как скажете, милорд.

Рики потянула за шнуровку на своей жилетке. Ослабнув, та повисла длинными тощими червяками, ткань стала свободной, и Рики высунула сначала правую руку, потом левую. Оставшись в одной тунике на голое тело, боязливо поёжилась и принялась высвобождать её края из-под пояса. В голове вертелось лишь одно: только бы всё закончилось побыстрее, и боли было поменьше.

Гай нахмурился.

– Что ты делаешь?

Пальцы застыли на помятом куске ткани.

– Раздеваюсь, как вы приказали.

– Я сказал, что мне надо раздеться. С застёжками я ещё справлюсь, но дальше боюсь задеть раны.

– Я помогу! – радостно подхватила Рики, выдыхая от облегчения и стыдясь очередного промаха.

– Только вначале затянись. – Гай кивнул на распущенную шнуровку. – А то запутаешься.

Пальцы снова сбивались, засовывали за пояс края туники, затягивали верёвки на жилетке. Но если некоторое время

назад те пальцы были холодными, то теперь стали тёплыми, как свиные колбаски, вытащенные из погреба и слегка подогретые на углях. Страх отступил, беспокойство спало, а воспоминания о колбасках сразу напомнили о закончившемся пиршестве знати, на котором ни Рики, ни другим слугам не перепало ни крошки. Хотя за других слуг говорить не стоит: они, вероятно, сейчас сидят на кухне и лакомятся остатками, запивая всё хмельным пивом. Возможно, и Рики обсуждают.

Гайлард с трудом сел. С верхней одеждой справились не быстро: при каждом движении Стернс морщился, готов был ругаться, но молчал и просто поджимал губы, терпя боль. Дальше пошло ещё хуже.

– У вас тут кровь, – пробормотала Рики, взявшись за края нательной туники.

– Я так и думал, – прохрипел Гай. – Много?

– Пятно приличное. Самая глубокая рана начала кровоточить.

– За свечами стоит банка с мазью. Принеси.

Быстро справившись с просьбой, Рики вернулась к Стернсу. Тот, как и прежде, сидел на краю кровати, опустив ноги на пол, и смотрел на завешенную пёстрыми гобеленами стену.

– Снимай осторожно, – напомнил Гай Рики, но это было излишне. Бережно, вспомнив будни на корабле, девушка начала закатывать дорогую тонкую ткань.

Тело Гая горело. Ладони девушки холодными не были, но

по сравнению с их теплотой спина и грудь хозяина казались огненными.

– Приложи руку, – выговорил Стернс, и Рики остановилась. Закатанная ткань хлынула обратно вниз волной, ладошки девушки нырнули под тунику и коснулись горячих плеч. Гай от удовольствия закрыл глаза.

– У вас жар, милорд.

– Пройдёт, – отмахнулся тот, наслаждаясь тем, какой приятный холодок шёл от девичьих пальцев, медленно проводивших от плеч к пояснице, обходивших раны, которые от этих прикосновений даже нить стали меньше.

– Позвать лекаря?

– Не нужно. Я видел на столе кувшин с водой... Вода холодная?

– Была тёплой, милорд, но давно остыла.

– Хорошо. Намочи пару тряпок и наложи мне на спину. Когда жар спадёт, обработаешь раны мазью.

– А где взять тряпки? Рядом с кувшином только грубые полотенца.

Гай ткнул пальцем в свою тунику.

– Рви.

– Это же дорогуший лён!

– Всё испачкано кровью. Рви.

– Как скажете.

Несколько наспех сготовленных ленточек были залиты в миске водой, выужены, выжаты и приложены к спине Стерн-

са. Нездоровый жар начал потихоньку спадать, выступившая кровь была вытерта. Стоило коже подсохнуть, Рики принялась бережно обрабатывать глубокие порезы вонючей мазью. И когда из всех ран – крупных и мелких – осталась лишь пара царапин, девушка не удержалась и сказала:

– Простите, я вас сегодня подвела... Перед королем...

Гай усмехнулся.

– Я просто тыкаюсь тут, как слепой котёнок, – оправдывалась Рики. – Не понимаю, как себя вести, в какой момент молчать, в какой – бежать и спасти вас. В деревне всё было просто, в казармах у Швидоу – тоже. А тут... в замке...

– Привыкнешь, – отрезал Гайлард.

– Так вы не выгоните меня, как требовал его величество?

– Мой дядя завтра протрезвеет и о тебе забудет. Слишком много других забот, чтобы его голова думала о босячке из Ланимора... Ты закончила с мазью?

– Да, – ответила Рики, закрывая баночку.

– Тогда ложись и спи.

Девушка опешила.

– Прямо здесь?

– Нет, не прямо здесь, – проворчал Стернс, вытягивая ноги и указывая взглядом на свои сапоги. Рики всё поняла без слов, опустилась на колени и начала стягивать один за другим. – Можешь лечь на полу, но там холодно и жёстко, и может пробежать мышь.

– Я ещё никогда в жизни... – Рики замаялась, отставляя

снятые с хозяина сапоги в сторону, — ...никогда в жизни не спала с мужчиной.

В тот же миг сильные пальцы коснулись острого подбородка девчушки, крепко его сжали и приподняли. Гайлард впервые смотрел на Рики серьёзно, без той лёгкой издевки, к которой девушка успела привыкнуть за несколько дней на корабле. Таким же серьёзным, без тени насмешки, голосом Гай произнёс:

— Спать с мужчиной и лежать с ним на одной кровати только потому, что на полу крыса прогрызёт тебе сапог или штаны, — это разные вещи. Хочешь крысу — дело твоё, но утром не стони. Теперь иди и задуй свечи, а если услышу от тебя ещё хоть слово, точно выгоню.

Рики послушно вскочила на ноги, бросилась к подсвечникам и задула огоньки. Устроившись на полу на медвежьей шкуре, девушка то и дело ворочалась с боку на бок. Сон никак не шёл. И не потому, что слишком много всего произошло и мозг ещё всё не переварил. Нет. Думать о событиях дня Рики откровенно устала, а вот стать жертвой нападения крысы очень не хотелось.

Вздохнув, Рики тихонько поднялась, сбросила с ног сапоги, которые натёрли пятки до мозолей, и прошлепала до кровати. Присела на краешек, потом аккуратно легла и замерла, боясь даже дышать. На всякий случай положила руку на рукоять ножа, не снятого с пояса — если Стернс всё же полезет, царапнуть его ладонь остриём всегда получится. Лишь бы

рука поднялась. Но ровное дыхание Гая говорило о том, что тот крепко спит. А если притворяется и сейчас набросится на неё? Глупая! Ему пошевелиться-то больно, а ты вообразила себе... Да ты ему и здоровому не нужна: у него такая красавица есть!

– Нож рядом? – Внезапно услышала Рики и вздрогнула. Гайлард не спал.

– Да, – пискнула девушка.

– Хорошо. Не снимай, вдруг понадобится. Кто знает, где эта тварь сейчас бродит.

Рики облегченно выдохнула. Она уже и забыла о Сэме, нафантазировав себе другие угрозы.

Кровать была безумно мягкой. Впервые Рики спала на такой. Тревоги исчезали, глаза закрывались сами собой, и казалось, что паришь в облаках. На душе стало спокойно и уютно, и Рики, ещё немного повздыхав, быстро уснула.

*Имил Даар и Дейерли – два независимых королевства, разделённые морем. Оба находятся очень далеко от Нолфорта. Практически другой мир. В Имил Дааре правит династия Талайтов; в Дейерли – Вармунды. Здесь идёт отсылка к книге-сиквелу «Чёрнёная печать».

Глава 4. На большой дороге

Выехать, не дождавшись рассвета, уже не казалось блестящей идеей. И дело было вовсе не в страхах: бродить по тёмному лесу Далену доводилось и раньше. Но если прежними годами он пересекал буковые и дубовые заросли на своих двоих, то теперь пришлось это делать на четырёх лошадиных, а в седле, ка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.